This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DK
38.7
.U92
N42

P5-131

НЕЗАБВЕННОЙ ПАМЯТИ

ГРАФА АЛЕКСѢЯ СЕРГѢЕВИЧА УВАРОВА.

Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ Обществъ 28 февраля 1885 года, назначенномъ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ для чествованія памяти своего почетнаго Предсѣдателя, съ приложеніями.

ИЗДАНІЕ
ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
подъ попѣченіемъ В. Е. Румянцова.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1885.

STANFORD
LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

НЕЗАБВЕННОЙ ПАМЯТИ

ГРАФА АЛЕКСѢЯ СЕРГѢЕВИЧА УВАРОВА.

Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ Обществъ 28 февраля 1885 года, назначенномъ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ для чествованія памяти своего покойнаго Предсѣдателя, съ приложеніями.

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ завѣдываніемъ В. Е. Румянцова.

МОСКВА.
Въ Синодальной Типографіи.
1885.

Печатано по опредѣленію Редакціоннаго Комитета Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его устава. Москва, 25 ноября 1885 года.

Тов. Секретаря Общества **А. Орѣшниковъ.**

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. **Рѣчь** товарища предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества **В. Е. Румянцова**:

О графѣ Алексѣѣ Сергѣевичѣ Уваровѣ, какъ основателѣ и предсѣдателѣ Археологическаго Общества. 1—4.

II. — предсѣдателя Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ **И. Е. Забѣлина**:

Объ общественномъ значеніи ученыхъ трудовъ графа А. С. Уварова. . . . . 5—21.

III. — предсѣдателя Московскаго Архитектурнаго Общества **Н. В. Никитина**:

О заслугахъ графа Алексѣя Сергѣевича Уварова для русской архитектуры и искусства. . . . . 22—24.

IV. — представителя Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи **Д. Н. Анучина**:

Объ отношеніяхъ графа Алексѣя Сергѣевича Уварова къ Обществу Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. . . . . 25—27.

V. — дѣйствительнаго члена Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества **Д. И. Иловайскаго**:

Нѣсколько словъ благодарной памяти о графѣ Алексѣѣ Сергѣевичѣ Уваровѣ. . . . . 28—32.

VI. — Воспоминаніе о графѣ А. С. Уваровѣ и его отношеніяхъ къ русскимъ архивамъ.

Директора Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ, **Барона Ѳ. А. Бюлера**. 33—34.

VII. — представителя Ростовскаго Музея древностей **А. А. Титова**:

Объ отношеніяхъ графа Алексѣя Сергѣевича Уварова къ Ростову-Великому. . . . . 35—38.

VIII. — представителя Тверского Музея древностей **А. К. Жизневскаго**:

Объ отношеніяхъ графа Алексѣя Сергѣевича Уварова къ Тверскому Музею древностей. . . . . 39—44.

XI. — представителя Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея **В. И. Сизова**:

О графѣ А. С. Уваровѣ, какъ организаторѣ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея. . 45—55.

X. — секретаря Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества **И. Д. Мансветова**:

О трудахъ графа А. С. Уварова по византійской археологіи. . . . . 56—61.

XI. **Телеграмма** Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, полученная и прочитанная въ засѣданіи 28 февраля. . . . . 62.

Приложенія.

XII. **Тяжелая утрата** (По поводу кончины графа Алексѣя Сергѣевича Уварова). **К. Н. Бестужева-Рюмина**. 63—65.

XIII. **Памяти графа А. С. Уварова**.. † 29-го декабря 1884 г. **Н. Ѳ. Фонъ-Крузе**. . . . . 66—72.

XIV. **Рѣчь** на могилѣ графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, произнесенная **Е. В. Барсовымъ**. . . . . 73--78.

РѢЧЬ

ТОВАРИЩА ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

В. Е. Румянцова.

О графѣ Алексѣѣ Сергѣевичѣ Уваровѣ, какъ основателѣ и предсѣдателѣ Археологическаго Общества.

Два мѣсяца тому назадъ, мы проводили на вѣчный покой мужа, сослужившаго великую службу наукѣ и родинѣ. Ученые труды и заслуги для русскаго просвѣщенія покойнаго графа Уварова слишкомъ разнообразны и многосторонни. Въ настоящую минуту мы вынуждены ограничиться только нѣсколькими словами о его дѣятельности, какъ основателя и предсѣдателя Московскаго Археологическаго общества.

Давно уже задушевною мыслію графа было основаніе особаго археологическаго общества, для распространенія между русскими людьми уваженія къ памятникамъ родной своей древности, вниманія и любви къ ихъ изученію. Пробудившееся чувство народности въ русскомъ мірѣ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, побудило наконецъ графа приступить къ основанію такого общества въ Москвѣ, какъ средоточіи русской народности, гдѣ притомъ въ ученомъ кругу скорѣе можно найти людей, сочувствующихъ такому предпріятію и способныхъ трудиться не для внѣшнихъ только выгодъ, а для идеи. Знаменательна вступительная рѣчь, которою графъ, единодушно избранный предсѣдателемъ, открылъ первое засѣданіе вновь основаннаго Общества. Въ этой рѣчи онъ подробно

изложилъ какъ задачи, предстоящія Обществу, такъ и средства къ ихъ осуществленію, какъ-то: публичность засѣданій, изданіе археологическаго журнала, охрана и защита древнихъ памятниковъ отъ разрушенія и искаженія со стороны невѣжественныхъ возстановителей, непонимающихъ, что, поступая такимъ образомъ, они вырываютъ страницу за страницей изъ своей отечественной лѣтописи, наконецъ,—ученые съѣзды археологовъ. Какъ зрѣло обдуманы эти средства, указанныя еще 20 лѣтъ назадъ и донынѣ практикуемыя Обществомъ, показываютъ ихъ плодотворныя послѣдствія для русской археологической науки. Указывая на предстоящую Обществу обширную дѣятельность, предсѣдатель прибавилъ, что сама археологія, въ сравненіи съ этою дѣятельностію, еще обширнѣе: съ своими разнообразными отдѣлами она представляется всеобъемлющею наукой, охватывающею цѣлый бытъ народа. И вотъ на этомъ-то безграничномъ полѣ онъ явился первымъ дѣлателемъ, неустанно трудившимся до самой смерти. Я не знаю ни одного изъ всѣхъ разнообразныхъ отдѣловъ археологической науки, гдѣ бы нельзя было встрѣтить имени графа Уварова. Въ области древностей первобытныхъ, курганныхъ, языческихъ, христіанскихъ первыхъ вѣковъ, византійскихъ, русскихъ, въ области памятниковъ быта, зодчества, каменнаго и деревяннаго, иконографіи и другихъ изобразительныхъ искусствъ и художествъ, вездѣ является нашъ ученый и неутомимый изыскатель, то открывающій новые, доселѣ неизвѣстные памятники, то объясняющій уже открытые и разгадывающій ихъ значеніе и смыслъ. А на открытія онъ былъ необыкновенно счастливъ, благодаря, конечно, не случайности, а своей ученой опытности: достаточно указать на найденныя имъ въ нѣдрахъ муромской земли палеолитическія древности, принадлежащія еще къ мамонтовой эпохѣ и имѣющія важное значеніе въ общей исторіи каменнаго вѣка въ Европѣ. Во время своихъ путешествій по западной Европѣ, онъ и тамъ находилъ любопытнѣйшіе памятники для русской археологіи. Такова, напримѣръ, найденная имъ въ Пештѣ картина, изображающая, какъ объяснено самимъ же графомъ по письменнымъ памятникамъ, пріемъ польскихъ пословъ въ Московской Грановитой палатѣ, 13 мая 1606 года. Намъ недостало бы времени перечислить, даже толь-

ко по заглавіямъ, всѣхъ изслѣдованій, статей, замѣтокъ, помѣщенныхъ имъ только въ изданіяхъ нашего Общества.

Сочиненія его, обыкновенно богатыя содержаніемъ, не всѣ отличались внѣшнею литературною обработкой, надъ которою ему и некогда было трудиться. На это ему однажды было указано. Перелистывая одну книжку, случайно лежавшую на столѣ, онъ прочелъ въ ней, какъ бы въ отвѣтъ на это указаніе, слѣдующія слова, прилагая ихъ къ себѣ: «Если мы по неискусству въ словѣ затемнили сіяніе истины, или тѣмъ запятнили лицо ея, просимъ не возгнушаться за то ея самой, по себѣ во вѣки красныя».

Умѣренный въ своей жизни, покойный графъ не останавливался ни передъ какими издержками на пользу науки и русскаго просвѣщенія: не говоря объ академическихъ преміяхъ, онъ первоначально, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, содержалъ Московское Археологическое общество на свой счетъ, и дорогія изданія Общества—его Древности, Труды I Археологическаго Съѣзда, Описаніе Кіева и другія—печатались также на его средства, а это стоило нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Онъ не любилъ, чтобъ его называли меценатомъ,—онъ самъ былъ труженикъ. Да съ одними деньгами нельзя многаго и сдѣлать. Нужно прежде всего душу приложить къ дѣлу, чтобы поставить его прочно и твердо. Онъ говорилъ словами древняго лѣтописца: «Много есть монастырей, основанныхъ царями, князьями и боярами, отъ богатства, отъ силы, отъ сокровищъ, но не таковы они, какъ тѣ, которые основаны трудомъ, подвигомъ, молитвами, слезами».

Вобще онъ былъ далекъ отъ всякой суетности и тщеславія. Свои статьи онъ большею частію подписывалъ только—У. Однажды, редактируя труды Общества, я поставилъ, вмѣсто—У, полную подпись графа, но онъ мою поправку зачеркнулъ и сказалъ съ неудовольствіемъ: «Графство тутъ не нужно, нужно дѣло». Понятно, что такой человѣкъ, преданный исключительно интересамъ науки, посвятившій всю свою жизнь исканію истины, «по себѣ во вѣки красныя», производилъ чарующее впечатлѣніе на всѣхъ, кто съ нимъ сближался. Въ Археологическомъ Обществѣ онъ имѣлъ много членовъ, душевно ему преданныхъ и раздѣлявшихъ его пла-

менную преданность къ наукѣ; онъ называлъ ихъ своими дорогими товарищами. Мы не были гостями въ его домѣ, а скорѣе принадлежали къ его родной семьѣ, ходили къ нему и утромъ и позднимъ вечеромъ, и бесѣды наши часто длились далеко за полночь. Въ послѣдній разъ я видѣлся съ нимъ 25 декабря. Онъ принялъ меня съ сердечнымъ радушіемъ; съ теплымъ участіемъ разспрашивалъ о моихъ личныхъ дѣлахъ; говорилъ о многихъ нашихъ общихъ знакомыхъ и друзьяхъ, какъ бы прощаясь съ ними на вѣки. Былъ второй часъ дня; онъ сталъ изнемогать; голова его чаще склонялась на грудь; предъ нимъ уже растворялись двери смерти, и онъ вступалъ въ нихъ безъ содраганія и трепета, какъ бы осѣненный упованіемъ, что воздастъ онъ добрый отвѣтъ и на судѣ Божіемъ, какъ и мы вѣруемъ, и предъ судомъ исторіи, какъ мы знаемъ. 29 декабря, раннимъ утромъ, я получилъ роковую, потрясшую меня, вѣсть о его кончинѣ. Понятно, что смерть его причинила незалѣчимую душевную рану многимъ. Что касается меня лично, то, опуская его въ могилу, я болѣзненно сознавалъ, что вмѣстѣ съ нимъ, въ этой могилѣ, я хоронилъ навсегда лучшую половину моей жизни, самыя свѣтлыя ея минуты и самыя возвышенныя воспоминанія. Но скорбь о немъ растворяется отчасти тѣмъ утѣшительнымъ сознаніемъ, что трудъ его вмѣстѣ съ нимъ не погибнетъ, что основанное имъ Археологическое Общество будетъ высоко держать знамя науки, имъ переданное. Да не будетъ мѣста роноту; заключимъ словами одного древняго жизнеописателя: «Возблагодаримъ Бога за то, что Онъ далъ намъ такого свѣтлаго и изящнаго мужа въ наши дни, въ землѣ нашей Русской и въ странѣ нашей полуночной».

РѢЧЬ

ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

И. Е. Забѣлина.

Объ общественномъ значеніи ученыхъ трудовъ графа А. С. Уварова.

ИМПЕРАТОРСКОЕ Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, здѣсь присутствующее въ лицѣ своихъ членовъ-представителей, съ глубокимъ вниманіемъ чтитъ память графа Алексѣя Сергѣевича, какъ своего Почетнаго Члена,—какъ передоваго, руководящаго, сильнаго дѣятеля на томъ же поприщѣ изслѣдованія и объясненія Русскихъ Древностей и Исторіи,—какъ неутомимаго ревнителя въ распространеніи и утвержденіи этихъ знаній не въ одной ученой, но въ обширной общественной средѣ.

Въ ученой дѣятельности графа А. С., столько богатой, разнородной и многосторонней, особенно ясно выступаетъ одна руководящая забота, одна его завѣтная и задушевная мысль.

Эта завѣтная мысль, которой онъ отдавался всѣмъ сердцемъ и служилъ ей неутомимо до послѣднихъ дней, стремилась къ той высокой цѣли, чтобы достояніе археологической науки, археологическое знаніе, сдѣлать достояніемъ всего общества; вселить, водворить въ сознаніи самаго общества ясную мысль о предметахъ этого знанія и тѣмъ пробудить уваженіе и

любовь къ родной старинѣ и древности, уваженіе и вниманіе къ памятникамъ этой древности какъ непосредственнымъ свидѣтелямъ народной исторіи и народнаго быта,—пробудить чувство народности, національное чувство—это жизнедѣятельную силу народнаго развитія во всѣ времена.

Вотъ къ чему клонилась основная руководящая забота, основная высшая мысль всей ученой дѣятельности графа Алексѣя Сергѣевича.

Изложеніе этой мысли въ рѣчи съ особенною опредѣленностью выражалось въ учрежденіи въ Москвѣ Археологическаго Общества, которому, въ вступительной рѣчи, графъ начертилъ и основной путь дѣятельности.

Онъ указывалъ главнѣйшую задачу для трудовъ новорожденнаго Общества въ разработкѣ, описательной и изслѣдовательной, памятниковъ вещественныхъ.

Объяснивъ настоятельную необходимость такой разработки, трудъ не могъ пройти молчаніемъ важнѣйшаго препятствія, какое прежде всего встрѣчается на этомъ пути каждому дѣятелю.

«Русская Археологія, говорилъ онъ, дѣйствительно не сложилась еще въ стройную, правильную науку, не имѣетъ строгой научной формы,—но должно сознаться, что это происходитъ не отъ недостатка матеріаловъ, какъ нѣкоторые полагаютъ, а отъ совершенно другой причины: отъ какого-то нѣкоего равнодушія къ отечественнымъ древностямъ. Не только мы, но и наши предки не умѣли цѣнить важности родныхъ памятниковъ и безъ всякаго сознанія, съ полнымъ равнодушіемъ безобразно исправляя старинныя зданія, или возстановляя ихъ съизнова, они не понимали, что каждый разъ вырывали страницу изъ народной лѣтописи. Такое равнодушіе и доселѣ часто проявляется въ русской жизни и вредитъ, къ несчастію, не одной археологіи».

Указанное графомъ направленіе общественной мысли имѣетъ очень важное значеніе и именно для археологической науки. Оно парализуетъ добрыя начинанія, добрыя стремленія этой науки. Время отъ времени оно даетъ себя чувствовать каждому дѣятелю на этомъ пути и въ иныхъ случаяхъ отравляетъ горькою отравою всѣ заботы, всякое усердіе въ достиженіи цѣлей этой науки.

Но откуда идетъ это вѣковое равнодушіе?

Говоря о немъ, графъ А. С. вовсе не думалъ обозначить этимъ словомъ вѣковѣчное, то есть какъ бы прирожденное Русскому обществу отъ самой древности.

Напротивъ, какъ всесторонній знатокъ нашей древности, онъ хорошо и въ подробности зналъ, что эта древность нисколько не была равнодушна ни къ своей Исторіи, ни къ памятникамъ своей старины.

Великій и замѣчательнѣйшій памятникъ особой любви и почтенія къ своей Исторіи наша Древность оставила намъ въ составленной ею Лѣтописи, въ этой Повѣсти временныхъ лѣтъ, которая продолжалась, пополнялась новыми лѣтами въ продолженіи цѣлыхъ шести столѣтій.

Началась эта повѣсть отъ половины XI вѣка. И тогда уже, съ первыхъ же временъ нашей Исторіи, она сразу обозначила насъ народомъ столько же культурнымъ, какъ были и другіе Европейцы, ибо сохраненіе памяти о прошломъ, любовь къ собственной Исторіи есть первый признакъ культурности народа.

Еслибъ, не имѣя ничего другаго, мы имѣли одну нашу Лѣтопись, какъ доказательство нашей способности къ Европейскому развитію, то и этого было бы достаточно. Въ этомъ памятникѣ выражено все, чѣмъ намъ слѣдовало быть, неминуемо, наперекоръ всѣмъ историческимъ напастямъ и невзгодамъ.

А памятники старины сберегались и сохранялись нашею Древностію съ такою любовью, съ такимъ благоговѣніемъ и, можно сказать, благочестіемъ, о которомъ намъ, теперешнимъ людямъ, очень трудно составить надлежащее понятіе. Наша Древность на томъ и стояла, чтобы сохранять самое себя.

Правда, что здѣсь не было сознательно-научнаго вниманія и уваженія къ памятникамъ; но здѣсь выражалась горячая сыновняя любовь къ памяти предковъ, къ ихъ дѣламъ и подвигамъ, и слѣд. къ своей Исторіи, которая потому усердно и описывалась въ лѣтописяхъ.

Извѣстно, что у князя Андрея Боголюбскаго въ спальнѣ, быть можетъ надъ его постелью, хранился мечь святаго Русскаго первомученика князя Бориса. Съ тѣмъ мечемъ, какъ нельзя сомнѣваться, Боголюбскій со славою ратоборствовалъ

въ войнахъ, и въ послѣдній часъ своей жизни, желая защититься отъ своихъ убійцъ, искалъ того же меча; но злодѣи уже унесли его наканунѣ. Болѣе полутораста лѣтъ этотъ священный мечь хранился въ потомствѣ князей, а съ нимъ несомнѣнно хранились и сказанія о дѣлахъ и событіяхъ, гдѣ этотъ мечь былъ добрымъ участникомъ.

Припомнимъ, что знаменитый бѣглецъ отъ Грознаго царя, эмигрантъ князь Курбскій, въ 1550 г., подъ Казанью, первѣе всѣхъ врѣзался во весь полкъ бусурманскій и, весь израненный въ битвѣ, остался живъ, потому что, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ, на немъ была броня (збруйка) праотеческая, которая защитила и спасла его отъ неминуемыхъ смертельныхъ ранъ.

Извѣстно, что Московскій в. к. Иванъ Даниловичъ потому былъ прозванъ Калитою, что былъ очень милостивъ, нищелюбивъ и всегда носилъ при поясѣ калиту (сумку), полную серебряницъ, съ которою ходя, раздавалъ нищимъ на право и на лѣво, сколько вынется. И вотъ, спустя слишкомъ триста лѣтъ, въ XVII ст. въ Царской казнѣ, въ числѣ драгоцѣнныхъ предметовъ, находимъ въ сохранности не только эту суму в. к. Ивана Даниловича, по образцу которой царь Михаилъ для той же цѣли сшивалъ и себѣ такія же сумы, но сверхъ того находимъ и старинную калиту в. к. Даніила, отца Ивана Даниловича, которая сохранялась въ числѣ предметовъ Государева Большаго Наряда, т. е. наравнѣ съ царскими регаліями.

Отъ множества историческихъ любопытнѣйшихъ памятниковъ, хранившихся въ ящикахъ и сундукахъ царя Ивана В. Грознаго, осталась намъ одна ихъ перечневая опись и въ ней, между прочимъ, упоминаются старыя граматы отъ Батыя и отъ иныхъ Татарскихъ царей, съ отмѣткою, а переводу имъ нѣтъ, никто перевести не умѣетъ.

Все это хорошо показываетъ, въ какой степени Русская древность дорожила всякими памятниками Временныхъ Лѣтъ.

Извѣстно также, что въ допетровское время постройка новаго храма, на мѣстѣ сгорѣвшаго, или отъ древности обветшалаго, всегда сопровождалась настойчивыми требованіями всѣхъ пособниковъ, чтобы онъ былъ выстроенъ и украшенъ по старозавѣтному образцу, какой существовалъ; или же по

такому же старозавѣтному образцу существующихъ другихъ древнихъ храмовъ.

Конечно, въ этой сердечной приверженности къ своей старинѣ и древности, въ этой благочестивой любви и почтеніи къ ней скрывался источникъ и нашей допетровской неподвижности относительно нашего образовательнаго развитія, источникъ, такъ называемаго, Московскаго самомнѣнія и самохвальной патріотической увѣренности, что лучше Русскаго, и народа нѣтъ на свѣтѣ. Но вѣдь именно такимъ самомнѣніемъ и самохвальною увѣренностію въ своемъ превосходствѣ предъ другими отличаются всѣ народности, начиная отъ Китая и оканчивая Франціею и Англіею, не говоря о Германіи.

Каждая народность, сложившая, выработавшая себѣ извѣстную культуру, высокообразованную или низкообразованную, каждая народность, умно ли, не умно ли, но похваляется именно этою своею культурою, какъ нажитымъ богатствомъ. И допетровская Русь имѣла подобное богатство, а потому и высилась передъ другими, по крайней мѣрѣ въ собственныхъ глазахъ. Однако, должно замѣтить, что этою народною московскою гордостью не мало оскорблялись западные иноземцы, придававшіе, стало быть, ей немалое значеніе.

Но насталъ часъ, когда, по ходу Исторіи, неуклонно слѣдовало воспользоваться богатствомъ европейской культуры. Иначе приходилось оставаться на вѣки нищимъ и предстояла даже возможность потерять вмѣстѣ съ землею самое имя— святое имя Руси. Могла эта равнина, отъ нашей неумѣлости и слабости, огласиться именемъ Польши, Швеціи, Турціи, совсѣмъ чужими именами. Необходимо было упредить соперниковъ и сопротивниковъ и стремительно, какъ прядалъ древній Святославъ, перескочить барсомъ прямо въ Европейскую школу, для всякой науки и для всякаго нáука. Такъ и случилось при помощи новаго Святослава, изумительно быстраго и неутомимаго самодержавнаго плотника Петра.

Съ этой стороны существуетъ другое направленіе общественной мысли, безъ всякой пощады обвиняющее Петра, такъ сказать, въ изуродованіи нашего національнаго бытія и существа. Можно много и долго толковать о томъ, что преобразованія нашего быта и всего строя нашей жизни, совершенныя Пет-

ромъ, могли имѣть иное направленіе, по теперешнему взгляду болѣе разумное, болѣе спокойное, болѣе снисходительное къ старозавѣтнымъ формамъ и преданіямъ Русскаго бытія. Но такіе толки, какъ бы ни были разсудительны, не достигаютъ правды. Они разбираютъ дѣло односторонне, чтобы не сказать —легкомысленно. Они не примѣчаютъ самаго главнаго, именно всѣхъ обстоятельствъ, возбудившихъ Петровскія преобразованія, вовсе не принимаютъ въ счетъ тогдашняго положенія вещей, всѣхъ условій той дѣйствительности и тѣхъ злобъ дня, которыя со всѣхъ сторонъ напирали на могучаго реформатора. Иное дѣло—дѣлать какое бы то ни было дѣло и, конечно, ошибаться въ работѣ, чего никакъ миновать нельзя. Иное дѣло—сидѣть у дѣла сложа руки и здраво разсуждать о томъ, какъ люди глупо ошибаются и какъ могло бы быть все исполнено гораздо правильнѣе и лучше.

Тотъ Гордіевъ узелъ, который достославно былъ разрубленъ Петромъ Великимъ, весь заключался въ одномъ жгучемъ и роковомъ вопросѣ:—быть или не быть намъ Европейцами? Оставаться намъ старою Москвою и, ничему не учась, выйти на предстоявшее историческое поприще съ ея старыми началами и свойствами государственнаго быта; или пойти въ школу, выучиться всякому умѣнью и всякимъ наукамъ, помолодѣть отъ науки и явиться предъ лицемъ европейскихъ государствъ новою Русскою силою, цѣльною и могущественною силою всей восточно-европейской равнины, чтобы восполнить эту вторую половину Европы тѣми же цивилизующими началами развитія, какими издавна отличалась первая половина. При этомъ медлить уже было невозможно. Не десятки лѣтъ, а каждая минута была дорога для того, чтобы не отстать отъ стремительнаго движенія Исторіи.

Мы въ то время подошли къ тому сказочному распутію, гдѣ очень явственно и очень понятно было написано: пойдешь на право—коня потеряешь; пойдешь на лѣво—самъ пропадешь.

Петръ-преобразователь беззавѣтно бросился по своему правому пути догонять эту Европейскую Исторію и культуру и, конечно, не могъ такъ спокойно обсуждать со всѣхъ сто-

ронъ свой подвигъ, какъ это можемъ мы, теперешніе люди, зашедшіе уже дальше и выше его, могущіе, не бѣгая и не суетясь, спокойно, даже изъ теплыхъ кабинетовъ, осматривать пройденный, пожалуй кривой, путь, по великимъ рытвинамъ, оврагамъ и косогорамъ, однако приведшій насъ къ желаннымъ цѣлямъ.

Однимъ изъ самыхъ кривыхъ направленій на этомъ пути является и наше дѣтское чрезъ-край увлеченіе всѣмъ иноземнымъ Европейскимъ, дѣтское благоговѣніе передъ созданнымъ самими нами же идеальнымъ образомъ Европейца, который въ дѣйствительности и не существуетъ.

Вотъ гдѣ (на этой кривизнѣ) мы должны были потерять своего коня. Этотъ конь, по древнимъ понятіямъ, символически обозначаетъ честь, достоинство человѣка, и, стало быть, въ историческомъ смыслѣ можетъ обозначать самостоятельность, самобытность народнаго сознанія.

Петровскій вѣкъ, весь XVIII вѣкъ, только о томъ и хлопоталъ, какъ бы сильнѣе усвоить себѣ Европеизмъ, какъ бы лучше походить на Европу, и въ мысляхъ, и въ чувствахъ, и въ манерахъ поведенія, не говоря о вещественной обстановкѣ и костюмѣ.

Ясное дѣло, что всѣми мѣрами и всѣми силами догоняя Европейскую Исторію и культуру, едва переводя дыханіе, мы по естественнымъ причинамъ забывали о себѣ, о собственной Исторіи, о собственной національной культурѣ.

Вотъ гдѣ корни нашего вѣковаго равнодушія къ собственной древности и ея памятникамъ.

При этомъ надо замѣтить, что національная наша культура, которую мы должны были оставить позади себя, вся отъ верха до низа составляла въ собственномъ смыслѣ культуру крестьянскую, деревенскую, со всѣми достоинствами деревенскаго простосердечія и со всѣми недостатками деревенскаго невѣжества. Поселившись въ Европейской культурной школѣ, устроенной совсѣмъ не по-деревенски, если не по-барски, мы, главнымъ образомъ, прельстились стороною ея барской свѣтской внѣшности и въ скоромъ времени не только совсѣмъ позабыли о своей старинѣ, но и стали презирать ее, какъ ветхое деревенское рубище, теперь уже негодное, въ которомъ уже стыдно было показываться въ люди, въ новое

образованное общество, по той особенно причинѣ, что въ сущности это рубище было наше невѣжество, наше варварство, наша одичалость. Такъ, по крайней мѣрѣ, объ этомъ говорили намъ наши новые учители, наши просвѣтители, всѣ Европейцы.

Какъ послушные, покорные и прилежные ученики, мы вѣрили имъ на-слово и вполнѣ усвоили себѣ тотъ особый взглядъ на самихъ себя, тотъ европейскій взглядъ на нашу родную страну, на нашу народность, который уже давно, еще съ XVI вѣка, господствовалъ во всей Европѣ, пополняемый и распространяемый чуть не каждый годъ все новыми Записками любознательныхъ путешественниковъ, изображавшихъ далекую и дикую, одичалую Московію въ такихъ же чертахъ и краскахъ, какія употребляются извѣстными романистами-реалистами, рисующими современный чудовищный упадокъ нравовъ. Ни объ одномъ изъ европейскихъ народовъ нѣтъ такой богатой литературы путешествій, какъ о нашемъ Русскомъ. И вся она одно только и рисуетъ, что нашу одичалость.

Усвоивъ себѣ этотъ чужой и чуждый взглядъ на самихъ себя, въ виду просвѣтительнаго лица Европы, мы стыдились даже упоминать, что у насъ была такая негодная варварская древность.

Мы исполнились не однимъ равнодушіемъ, но и предубѣжденіемъ къ этой древности, въ которой, по нашему образованному разумѣнію, кромѣ всяческой деревенщины и всякаго азіатства ничего особеннаго и не примѣчалось. Въ этомъ иные убѣждены и до сихъ поръ.

И такимъ образомъ Русское бытіе съ его Исторіею и древностями, въ сознаніи нашего общества, въ виду европейскихъ историческихъ и археологическихъ вопросовъ и запросовъ, представилось, по малой мѣрѣ, пустымъ мѣстомъ. Ничего здѣсь нѣтъ достойнаго для вниманія и изученія, а главное—ничего здѣсь нѣтъ собственно Русскаго, ничего такого, что могло бы обозначить Русскую народность, какъ самобытную творящую силу. Все здѣсь, или Финское, или Татарское, или Норманское, Германское и т. д., только отнюдь не Русское. Вотъ плоды вѣковаго нашего равнодушія и предубѣжденія къ отечественной древности. Прежде мы

отрицали эту древность, какъ негодное и неудобное рубище; за тѣмъ, выучившись въ Западной школѣ, мы стали отрицать ее уже на основаніи ученыхъ посылокъ, какъ предметъ знанія, не имѣющій никакого научнаго содержанія.

Къ нашему счастію, на свѣтѣ существуетъ здравый смыслъ. Онъ говоритъ, что этого быть не можетъ, что народность, сумѣвшая еще 800 лѣтъ тому назадъ, составить себѣ, на своемъ языкѣ, самостоятельнымъ починомъ, хотя бы и по чужому примѣру, свою собственную Лѣтопись, такая народность не можетъ существовать безъ творящей самобытной силы, которая кромѣ того очень явно обнаружилась въ созданіи себѣ собственнаго своего и очень крѣпкаго государства, то есть народнаго государственнаго единства, что сотворяется не легко и не всякой народности удается.

Здравый смыслъ уже данно замѣчаетъ, что наши дѣтскія ученическія увлеченія приближаются къ своему концу, и что настаетъ и уже настала пора развязывать новый Гордіевъ узелъ, спутанный нашею покорною и горячею приверженностію къ мнѣніямъ и указаніямъ нашего учителя.

Здравый смыслъ, какъ и въ эпоху Петра, въ глубинѣ нашего сознанія, ставитъ теперь свой новый вопросъ: Быть или не быть намъ Русскими?—потому что въ самомъ дѣлѣ обаяніе чужими мнѣніями значительно угасило въ насъ Русское чувство, Русское пониманіе вещей.

И на себя, и на свои дѣла, и на свои интересы, на свою Исторію и Древность, мы всего чаще смотримъ совсѣмъ иноземными глазами.

Но что же значитъ быть Русскими? Значитъ ли это быть Московитами XVI и XVII столѣтій? Иные очень опасаются, какъ бы это не случилось въ самомъ дѣлѣ. Опасеніе неискреннее. Вчерашняго дня не воротишь. Но смысломъ вчерашняго дня всегда можно воспользоваться. А смыслъ исторіи Московитовъ XVI и XVII ст. заключался въ томъ, что они были Русскими не по невѣжеству, а по сознанію въ себѣ національнаго достоинства. Такимъ образомъ, быть Русскими значитъ не больше, какъ тоже самое, что̀ находится въ сознаніи каждаго Нѣмца, Француза, Англичанина. Это значитъ чувствовать и сознавать въ себѣ достоинство своей народности, иначе сказать, свою са-

мобытность, свою оригинальность, свои заслуги передъ человѣчествомъ.

Но какое это Русское достоинство? Гдѣ оно? Кому оно извѣстно? Какія это Русскія заслуги передъ человѣчествомъ, спросятъ насъ тѣ же Нѣмцы, Французы, Англичане, всѣ Европейцы, не исключая и нѣкоторыхъ нашихъ братій Славянъ. А всѣ космополиты здѣсь тотчасъ подумаютъ только объ одномъ квасномъ патріотизмѣ.

Намъ кажется, что каждая историческая нація, призванная силою вещей занимать въ Исторіи свое мѣсто, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, всегда обладаетъ какимъ либо неизмѣннымъ, не переходящимъ достоинствомъ, которое собственно и вводитъ ее въ кругъ всемірно-историческихъ дѣяній, и конечно по заслугамъ.

Мы говоримъ о такомъ именно достоинствѣ, которое не зависитъ отъ случайныхъ положеній націи, могущихъ быть и могущественными и слабыми,—мы говоримъ о національной душѣ, если можно такъ выразиться, о складѣ и свойствѣ народнаго міровоззрѣнія и сознанія, о томъ духовномъ существѣ народа, которое не исчезаетъ съ поворотами судьбы.

Достоинство народности, то есть крупныя или малыя черты ея самобытности, это достоинство всегда скрывается въ Исторіи народа и именно скрывается, такъ что раскрывать и обнаруживать его не совсѣмъ бываетъ легко, и тѣмъ еще больше, если и вѣры нѣтъ, что оно можетъ существовать.

Оно скрывается во всѣхъ памятникахъ этой Исторіи, во всѣхъ памятникахъ прожитой народной жизни, словесныхъ, письменныхъ, вещественныхъ, даже въ самыхъ мелкихъ и мелочныхъ памятникахъ, которые въ этомъ отношеніи становятся иногда очень крупными свидѣтельствами народнаго генія, народнаго творчества.

Еслибъ послѣ Исторіи античнаго Грека остались намъ одни только черепки его кухонной и столовый посуды, то, при должномъ вниманіи и изученіи, мы все-таки съ достовѣрностію узнали бы, что художническій геній этой народности стоялъ на высотѣ, для нашей современности едва доступной.

Формы всякихъ памятниковъ вещественныхъ, оставляемыхъ жизнію народа, развѣ не служатъ показателями свойствъ и

направленій народной мысли и народнаго чувства, народной души, какъ мы сказали?

И вотъ съ этой-то стороны мы меньше всего знаемъ Русскую народность, а слѣдовательно и Русское достоинство, о которомъ идетъ рѣчь. Хорошо оно или худо—все равно, намъ надо знать его.

Знать все это намъ крайне необходимо по той причинѣ, что въ этомъ только матеріалѣ мы найдемъ добрый источникъ для воспитанія въ себѣ народнаго Русскаго самосознанія.

Эту первостепенную задачу нашей современной жизни, въ ея научной области, ясно понималъ покойный графъ Алексѣй Сергѣевичъ и поставилъ подвигомъ своей жизни всестороннюю разработку этой задачи во всѣхъ подробностяхъ.

Побѣдить въ обществѣ вѣковое его равнодушіе къ собственной древности и, можемъ прибавить, предубѣжденіе въ ничтожествѣ ея содержанія, вотъ въ чемъ поставлялъ онъ непосредственную цѣль для своей ученой дѣятельности.

Онъ хорошо зналъ, что единичною силою одолѣть этого сопротивника невозможно, что здѣсь требуются общія и прямо общественныя силы.

Изъ этой мысли возродилось въ Москвѣ Археологическое Общество, съ особымъ направленіемъ его дѣятельности, во многомъ отличавшимъ его отъ другихъ ученыхъ Обществъ.

Въ своей вступительной рѣчи графъ А. С. указывалъ, что въ западной Европѣ вниманіе къ національной старинѣ и древности и старательное изученіе ея памятниковъ пробудилось съ особою силою вмѣстѣ съ чувствомъ народности, возрожденію котораго у народовъ Запада такъ много способствовали Наполеоновскія войны и Наполеоновское властительство надъ всѣмъ Европейскимъ міромъ.

Послѣ извѣстнаго классицизма, руководившаго дотолѣ понятіями европейскаго общества и выдвинувшаго самаго Наполеона въ образѣ консула, насталъ романтизмъ, распространилась любовь уже не къ Римской, а къ собственной народной древности.

«Чувство народности, говорилъ графъ А. С., быстро подвинуло западную Археологію и сильно возбудило дѣятель-

ность ученыхъ Обществъ. Пусть то же чувство поможетъ теперь и намъ уничтожить равнодушіе къ отечественнымъ древностямъ, пусть оно научитъ насъ дорожить родными памятниками... Къ такому возбужденію общаго сочувствія должны стремиться всѣ наши ученыя Общества. Вотъ наша главная цѣль», заключалъ онъ.

Такимъ образомъ, предложеніе графа прямо указывало, что и для насъ настала пора побороть въ себѣ такого же рода классицизмъ понятій о величіи всего чужаго Европейскаго и о ничтожествѣ всего своего Русскаго.

Наиболѣе прямой и вѣрный путь къ достиженію этой цѣли графъ А. С. находилъ въ публичности обсужденій всѣхъ ученыхъ вопросовъ и изслѣдованій, какими должно заниматься учрежденное Общество, въ публичности его засѣданій.

«Мы надѣемся этимъ путемъ, говорилъ графъ, скорѣе распространить въ публикѣ пониманіе и любовь къ Археологіи».

Учрежденіе Археологическаго общества, съ поставленными для его дѣятельности этими особыми передовыми задачами, явилось достойною силою, хотя въ началѣ и не слишкомъ замѣтною, для возбужденія общаго сочувствія къ отечественной древности. Но графъ указывалъ и дальнѣйшій путь къ достиженію завѣтной цѣли.

«Мы не можемъ упустить изъ виду еще одну мѣру, продолжалъ онъ, самую дѣйствительную и коренную, для уничтоженія равнодушія къ русскимъ древностямъ и для возбужденія общаго живаго участія къ русской Археологіи— это именно ученые съѣзды».

Показавъ важное значеніе такихъ съѣздовъ и сколько они способствовали развитію національной Археологіи въ Западныхъ странахъ, онъ замѣтилъ, что «у насъ такіе съѣзды, общеніемъ всѣхъ ученыхъ силъ, развили бы и самую Археологію и общественную любовь къ ней. Они окончательно обезпечили бы и сбереженіе Русскихъ памятниковъ».

Плодотворное зерно этихъ съѣздовъ уже положено было въ публичности засѣданій Археологическаго Общества. Эти засѣданія въ сущности представляли и представляютъ ежемѣсячные, маленькіе, собственно Московскіе съѣзды, гдѣ въ выборѣ предметовъ обсужденія, конечно, господствуетъ неми-

нуемая случайность, но гдѣ обмѣнъ мнѣній и свѣдѣній всегда плодотворно отражается въ сознаніи, хотя бы и очень малаго общества любителей, какое обыкновенно собирается на эти скромные съѣзды. Все начинается изъ малаго зерна и затѣмъ выростаетъ по мѣрѣ добрыхъ качествъ почвы и благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Трехгодичные Археологическіе Съѣзды въ Университетскихъ городахъ, которые въ слѣдъ затѣмъ осуществились все тѣми же руководящими заботами и горячими, неутомимыми стараніями графа, въ дѣйствительности становятся основными и сильнѣйшими двигателями въ распространеніи въ обществѣ желаннаго вниманія и сочувствія къ родной старинѣ, и не въ однихъ ея средоточіяхъ, въ столицахъ, но по всей странѣ, въ отдаленныхъ краяхъ и даже въ глухихъ мѣстахъ;—становятся пробудителями общаго сочувствія именно въ мѣстной, областной старинѣ, что́ особенно важно и дорого, какъ залогъ будущаго подробнаго и всесторонняго развитія археологическихъ знаній.

Пробуждая эти мѣстные интересы и вкусы къ археологическимъ познаніямъ, съѣзды много способствуютъ и вообще пробужденію умственной жизни въ нашемъ обществѣ. Археологическое знаніе съ своими разнообразными отдѣлами, какъ говорилъ графъ, представляется всеобъемлющею наукою, охватывающею весь бытъ народа. Естественно, что постановка разностороннихъ археологическихъ вопросовъ, которыми въ своихъ работахъ руководится каждый съѣздъ, необходимо соприкасается со всѣми другими отдѣлами человѣческаго знанія, со всѣми отраслями Науки въ общемъ ея составѣ. Вѣдь каждый памятникъ, какъ бы онъ не былъ малъ и незначителенъ, есть продуктъ весьма сложныхъ познаній и потому, чтобы всесторонне изучить и объяснить его, требуетъ самыхъ сложныхъ разслѣдованій именно при помощи различныхъ другихъ наукъ и знаній, кромѣ археологическихъ въ собственномъ смыслѣ. Сколько археологическихъ вопросовъ рѣшаются только при помощи химическихъ изслѣдованій, или при помощи Зоологіи, Ботаники и т. д.

Такое, можно сказать, центральное положеніе археологическаго знанія посреди другихъ наукъ, по необходимости, ставитъ и Археологическіе Съѣзды пробудителями не какихъ

[illegible]

ріи мѣста, о людяхъ тутъ жившихъ, о самой жизни и бытѣ тѣхъ людей.

Каждый памятникъ, такимъ образомъ, прежде только непонятный курьезный остатокъ, или обломокъ, теперь облекался мыслью, становился словомъ, болѣе или менѣе яснымъ и понятнымъ, которое уже по этому одному требовало вниманія и сохраненія.

Вотъ желанные плоды Археологическихъ Съѣздовъ, о достиженіи которыхъ столько ревновалъ и заботился графъ Алексѣй Сергѣевичъ.

Эти плоды еще мало очевидны. Они явятся и почувствуются еще не скоро, но почувствуются непреложно и неуклонно съ теченіемъ времени, когда постоянное дѣйствіе и вліяніе Съѣздовъ совершитъ надобный періодъ въ ихъ развитіи.

Однако и теперь уже, если припомнимъ недавнее прошлое, очень замѣтно, что вниманіе, уваженіе, почтеніе къ древнимъ памятникамъ, въ общественномъ сознаніи отвоевали уже себѣ достойное мѣсто. Любители перестроивать, передѣлывать, переновлять ветхую старину на новый ладъ, по новымъ вкусамъ и образцамъ, уже встрѣчаютъ не малыя, иногда неодолимыя затрудненія въ своемъ усердіи разрушать древность, какъ негодную ветхость. Теперь между древнимъ памятникомъ, требующимъ возобновленія, и этими мудрецами стоятъ уже несносные археологи, столько препятствующіе своеволію разрушителей.

Мало по малу водворяется уже обычай призывать на помощь къ такимъ возобновленіямъ, перестройкамъ и передѣлкамъ археологическое знаніе, дабы, по возможности, не исказить почтенной старины. Водворяется совѣстливость, что подобное своевольное и неразумное искаженіе древняго памятника—есть уже своего рода грѣхъ и преступленіе. Водворяются понятія не только о научной, но и объ общественной цѣнности памятниковъ, какъ дорогихъ изобразителей народной мысли и народнаго творчества по всѣмъ направленіямъ народнаго быта.

Еще нагляднѣе могло бы выясниться такое значеніе памятниковъ, еслибъ они были собраны въ одно мѣсто и приведены въ должную систему, еслибъ вся наша древность

предстала предъ нами, такъ сказать, въ своемъ веществѣ, во всѣхъ произведеніяхъ своего художества, ремесла и всякаго труда, во всѣхъ вещественныхъ формахъ и образахъ своего бытія. Выставки древностей, какія устроивались на Археологическихъ Съѣздахъ изъ случайно доставляемыхъ коллекцій, уже указывали на важное значеніе такого собранія памятниковъ.

Но устроиваясь періодически, повременно, Съѣзды, съ ихъ публичными чтеніями и обсужденіями предлагаемыхъ задачъ и вопросовъ, съ ихъ выставками археологическихъ предметовъ, на извѣстное время умолкаютъ, дѣйствіе ихъ на извѣстное время стихаетъ, собранные на выставку предметы возвращаются къ собственникамъ и изчезаютъ безъ слѣда для вниманія публики, какъ и для спеціалистовъ.

Вотъ причины, по которымъ въ слѣдъ за установленіемъ Археологическихъ Съѣздовъ, завѣтныя руководящія заботы графа Алексѣя Сергѣевича, должны были съ особою любовью остановиться на устройствѣ еще такого учрежденія и такого хранилища памятниковъ, которое, полною ихъ системою и въ полной и всесторонней ихъ наличности, въ оригиналахъ, копіяхъ и изображеніяхъ, могло бы имѣть, такъ сказать, непрестанное, непрерывное воздѣйствіе родной Исторіи и Древностей на разумѣніе и сознаніе всего общества, всего народа.

По Всемилостивѣйшему вниманію нынѣ благополучно Царствующаго Государя Императора, возродилась мысль объ Историческомъ Музеѣ.

Прямыя и непосредственныя заботы объ этомъ графа Алексѣя Сергѣевича начались еще въ 1872 году. Съ того времени и до послѣднихъ дней, можно правдиво сказать, не было и одного дня, въ который мысли и заботы графа не руководились бы обширными цѣлями, какія онъ опредѣлялъ для устройства этого учрежденія.

Здѣсь давнишніе и любимѣйшіе помыслы и предположенія графа сдѣлать отечественную Исторію и отечественныя Древности воспитателемъ и руководящею силою общественнаго сознанія, двигателемъ умственной жизни общества, получали болѣе полное удовлетвореніе и болѣе твердое основаніе для ихъ дальнѣйшаго развитія.

Въ программу Устава Музея входило и сохраненіе памятниковъ, при посредствѣ учрежденія особыхъ мѣстныхъ областныхъ коммиссій, и разслѣдованіе и объясненіе ихъ при посредствѣ особыхъ высшихъ курсовъ Историко-археологической науки.

Но главнѣйшею и существеннѣйшею задачею для этого Всероссійскаго Хранилища было положено: представить въ вещественныхъ памятникахъ и изображеніяхъ невещественный, такъ сказать, духовный образъ Русскаго Государства и Русской Народности, во всемъ составѣ разнородныхъ племенъ Русской Земли, во всѣ великіе моменты Русской жизни, во всѣхъ видоизмѣненіяхъ и направленіяхъ Русской Исторіи и Русскаго быта, отъ древнѣйшихъ временъ, дабы тѣмъ самымъ наглядно и непрестанно содѣйствовать развитію въ народѣ и обществѣ русскаго самопознанія и русскаго самосознанія.

Въ этомъ заключается основной характеръ, существенный смыслъ и значеніе новоучрежденнаго Россійскаго Императорскаго Историческаго Музея.

Русское самопознаніе и Русское самосознаніе, въ дальнѣйшемъ ходѣ своего развитія, сдѣлавшись двигателемъ умственной жизни общества, руководителемъ общественной мысли, и послужитъ тѣмъ нерукотворнымъ памятникомъ ученой дѣятельности графа Алексѣя Сергѣевича, который сохранитъ его славное имя незабвеннымъ на вѣки.

Разобраться въ хаосѣ вещественныхъ памятниковъ, искаженнымъ временемъ и рукою человѣка, было возможно только съ помощію памятниковъ письменныхъ, изученіе и разборъ которыхъ должны были предшествовать и въ дѣйствительности предшествовали изученію памятниковъ искуства. Археологическія изслѣдованія памятниковъ помогаютъ художнику тѣмъ, что освѣщаютъ путь, по которому онъ долженъ слѣдовать, даютъ точку опоры для его фантазіи.

Графъ Алексѣй Сергѣевичъ принесъ огромную пользу для возрожденія русскаго искуства и для постановки правильнаго о немъ понятія. Трудясь самъ въ этомъ направленіи, онъ собралъ разрозненныя силы въ учрежденія, которыя дружно работали, и, надѣемся, будутъ продолжать начатое дѣло.

Основанное имъ въ Москвѣ Археологическое общество, нынѣ Императорское, разработывая наши древности историческія и доисторическія, постоянно обращало вниманіе и на древности художественныя. Къ участію въ трудахъ его графъ Алексѣй Сергѣевичъ умѣлъ привлечь всѣ выдающія архитектурныя силы: Мартыновъ, Артлебенъ, Даль. Съѣзды Археологическіе, имъ основанные и веденные, всегда касались вопросовъ художественныхъ. Такъ на 1-мъ съѣздѣ былъ поднятъ вопросъ о вліяніи романской архитектуры на русскую; на 2-мъ съѣздѣ—о древнихъ деревянныхъ церквахъ въ Россіи; на 3-мъ разбирались Кіевскія постройки, на 5-мъ Грузинскія, на 6-мъ Херсонесъ и Византія, изученіе которой необходимо для каждаго художника, желающаго основательно изучить и понять русскій стиль.

Основаніемъ Историческаго Музея графъ А. С. положилъ начало правильнаго систематическаго изученія художниками русскаго искуства не только по рисункамъ, но и по самымъ памятникамъ, которые собираются тамъ въ оригиналахъ и точныхъ слѣпкахъ. Задача для составленія проэкта зданія принесла уже большую пользу, указавъ на XVI вѣкъ какъ на исходную точку возрожденія русскаго искусства и заставивъ художниковъ порыться, поискать и уяснить себѣ, въ чемъ заключается особенность этой эпохи. Важность и польза учрежденія Истор. Музея, съ теченіемъ времени будутъ цѣниться все болѣе и болѣе; это вѣковѣчный памятникъ надъ могилой графа Алексѣя Сергѣевича.

Благому примѣру Историческаго Музея начинаютъ слѣдовать и города русскіе. Мѣстные музеи возникаютъ въ Кіевѣ, Твери, Ростовѣ.

Наши древніе историческіе памятники нашли въ графѣ Алексѣѣ Сергѣевичѣ горячаго защитника отъ разрушителей и украсителей. Вслѣдствіе его хадатайства сдѣлано правительственное распоряженіе о томъ, чтобы ни одинъ древній памятникъ не перестраивался безъ предварительнаго сношенія съ ближайшимъ Археологическимъ Обществомъ. Ограниченіе самовластія лицъ надъ тѣми памятниками, къ которымъ они приставлены хранителями, конечно не могло понравиться многимъ, но въ небольшой, сравнительно, періодъ времени мы уже видимъ какъ подъ настойчивымъ вліяніемъ гр. Алексѣя Сергѣевича возникалъ древній русскій человѣкъ, какъ появляются люди всей душой преданные сохраненію и возстановленію драгоцѣнныхъ остатковъ нашей старины. Безъ этихъ каменныхъ автографовъ немыслимо возрожденіе русскаго стиля и дальнѣйшее его развитіе.

Мы съ благодарностью вспоминаемъ, что графъ Алексѣй Сергѣевичъ не только никогда не отказывалъ въ добромъ совѣтѣ и указаніи, но даже самъ пріѣзжалъ на осмотры древнихъ зданій и на работы по ихъ реставраціи и по передѣлкамъ. Одно появленіе графа Алексѣя Сергѣевича на работѣ уже поддерживало архитектора и давало ему силу настаивать на сохраненіи древнихъ формъ.

Намъ приходилось слышать отъ графа Алек. Сер. нѣкоторыя замѣчанія, относившіяся къ древней русской орнаментаціи, и на вопросъ нашъ: гдѣ найти свѣдѣнія по этому предмету—онъ сказалъ, что въ христіанской символикѣ, которую онъ обработываетъ и издаетъ. Заключаю мое краткое слово пожеланіемъ, чтобы этотъ трудъ графа Алек. Сер. объясняющій смыслъ формъ, считавшихся рутинными, былъ изданъ на пользу русскихъ художниковъ. Вообще графъ Алексѣй Сергѣевичъ имѣлъ сильное вліяніе на художниковъ и на среду, въ которой имъ приходилось дѣйствовать; по этому-то память его особенно дорога для насъ.

РѢЧЬ

ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ

Д. Н. Анучина.

Объ отношеніяхъ графа Алексѣя Сергѣевича Уварова къ Обществу Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Мм. Гг.

Ученая дѣятельность графа Алексѣя Сергѣевича Уварова была настолько плодотворною и многостороннею, касалась столь различныхъ отраслей историческаго знанія, что является вполнѣ понятнымъ, почему утрата его была принята съ такимъ сожалѣніемъ русскимъ ученымъ міромъ, и почему мысль Московскаго Археологическаго Общества почтить память своею бывшаго предсѣдателя особымъ, экстра-ординарнымъ засѣданіемъ нашла себѣ такой сочувственный отзывъ въ средѣ другихъ московскихъ ученыхъ обществъ и учрежденій. Въ числѣ этихъ «другихъ», съ искреннимъ сочувствіемъ отозвалось и Императорское Московское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, дѣятельность котораго, въ лицѣ двухъ своихъ отдѣловъ (антропологическаго и этнографическаго), болѣе или менѣе соприкасается съ областію исторіи и археологіи и была направлена отчасти къ разработкѣ тѣхъ же вопросовъ, которые составляли предметъ изслѣдованій и незабвеннаго графа Алексѣя Сергѣевича.

Приступивъ еще въ шестидесятыхъ годахъ къ раскопкамъ кургановъ и къ собиранію остатковъ первобытной эпохи, привлекая къ участію въ своихъ трудахъ многихъ московскихъ и иногородныхъ ученыхъ дѣятелей и собирая, при содѣйствіи ихъ, значительныя антропологическія и археологическія коллекціи, Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, живо заинтересованное въ развитіи антропологіи и первобытной археологіи въ Россіи, не могло не относиться съ искреннимъ сочувствіемъ и глубокимъ уваженіемъ къ неустаннымъ трудамъ покойнаго графа Алексѣя Сергѣевича,—не могло не радоваться тому, что, благодаря высокому его авторитету, первобытная археологія вошла въ программу занятій русскихъ археологическихъ съѣздовъ, стала привлекать къ себѣ новыхъ дѣятелей, пріобрѣла себѣ право гражданства среди многочисленныхъ другихъ отраслей русской археологической науки.

Но Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи имѣетъ еще другую ближайшую причину относиться съ уваженіемъ и благодарностію къ памяти графа А. С. Уварова. Ему обязано оно тѣмъ пріютомъ, который нашли собранныя Обществомъ антропологическія и археологическія коллекціи въ стѣнахъ Императорскаго Историческаго Музея. Зная изъ личнаго ознакомленія съ этими коллекціями, сколько въ нихъ имѣется интереснаго для русской доисторической археологіи, и въ какой мѣрѣ онѣ могутъ пополнить уже имѣющіяся въ Музеѣ собранія древностей, и освѣдомившись о затрудненіяхъ, которыя встрѣчаетъ Общество въ полученіи для этихъ коллекцій приличнаго помѣщенія въ университетскихъ зданіяхъ,—графъ А. С. Уваровъ обратился къ Московскому Университету съ предложеніемъ—передать ихъ, на извѣстныхъ условіяхъ, организуемому подъ его руководствомъ Императорскому Историческому Музею. Предложеніе графа было принято, и всѣ коллекціи были переданы въ Историческій Музей, гдѣ тѣ изъ нихъ, которыя заключаютъ въ себѣ древности, найденныя въ предѣлахъ Россіи, были размѣщены въ главномъ помѣщеніи, между другими колекціями изъ тѣхъ же мѣстностей и эпохъ, для остальныхъ же, именно коллекцій по иност-

ранной первобытной археологіи и собственно антропологическихъ, было отведено отдѣльное помѣщеніе, надлежащимъ образомъ приспособленное. Относясь къ археологіи не какъ любитель, но какъ ученый, графъ Алексѣй Сергѣевичъ вполнѣ раздѣлялъ то мнѣніе, что изученіе первобытныхъ русскихъ древностей можетъ быть тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ, болѣе оно будетъ руководиться методомъ сравнительнымъ, то есть, чѣмъ болѣе оно будетъ принимать во вниманіе данныя иностранной археологіи и пользоваться, гдѣ представляется возможность, содѣйствіемъ антропологіи и палеонтологіи. Какъ всестороннее изученіе древнѣйшихъ культуръ на русской почвѣ, ихъ развитія и распредѣленія, такъ и разъясненіе вопросовъ о тѣхъ элементахъ, которые вошли въ составъ древняго населенія Россіи, по необходимости требуетъ, для большей успѣшности, дружныхъ усилій различныхъ спеціальныхъ научныхъ отраслей. Графъ Алексѣй Сергѣевичъ это сознавалъ, какъ то показываетъ вся его многолѣтняя дѣятельность по организаціи въ Россіи археологическихъ съѣздовъ и по установленію, чрезъ ихъ посредство, общенія между различными спеціалистами. Этимъ же широкимъ взглядомъ на задачи археологіи объясняется и то живое участіе, которое было принято покойнымъ графомъ А. С. въ судьбѣ коллекцій, собранныхъ Обществомъ Любителей Естествознанія, котораго онъ состоялъ почетнымъ членомъ и съ нѣкоторыми дѣятелями котораго онъ находился въ постоянномъ научномъ общеніи. Глубоко благодарное за такое предупредительное отношеніе къ его научно-образовательнымъ дѣламъ, Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи высоко чтитъ память своего покойнаго сочлена и пользуется случаемъ въ настоящемъ печально-торжественномъ засѣданіи засвидѣтельствовать особенно объ оказанномъ ему графомъ А. С. Уваровымъ содѣйствіи.

РѢЧЬ

дѣйствительнаго члена Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества

Д. И. Иловайскаго.

Произнесенная благодарной памяти о графѣ Алексѣѣ Сергѣевичѣ Уваровѣ.

Мм. Г.

Позвольте на нѣсколько минутъ занять Ваше вниманіе моимъ личнымъ благодарнымъ воспоминаніемъ о дорогомъ покойникѣ.

Мое знакомство съ графомъ А. С. Уваровымъ восходитъ къ 1858 году. Я былъ въ то время преподавателемъ въ Рязанской гимназіи, и въ этомъ году представилъ свою магистерскую диссертацію, т. е. «Исторію Рязанскаго княжества». Графъ, бывшій тогда помощникомъ попечителя московскаго учебнаго округа, отнесся сочувственно къ моему труду, оказалъ всякое содѣйствіе при его печатаніи въ находившейся подъ его вѣдѣніемъ университетской типографіи, и вслѣдъ за тѣмъ, вѣроятно не безъ его участія, состоялся мой переводъ изъ Рязани въ Москву, подписанный попечителемъ округа А. Н. Бахметевымъ, другимъ прекраснымъ человѣкомъ, уже давно отошедшимъ въ вѣчность [1]). Изъ этихъ фактовъ

---

[1]) Та же диссертація напоминаетъ мнѣ о преміи, которую покойный изъ собственныхъ средствъ учредилъ въ награду за ученые труды. По отзыву покойнаго академика Н. Г. Устрялова она удостоена была Малой Уваровской преміи

понятно, въ какой мѣрѣ обязательна для меня благодарная память о покойномъ графѣ.

Въ 1864 или 65 году я вступилъ въ число членовъ только что основаннаго имъ Московскаго Археологическаго Общества, и съ той поры началось постоянное научное съ нимъ общеніе, продолжавшееся цѣлыя двадцать лѣтъ и прерванное только безвременною его кончиною. Учрежденіе это, какъ извѣстно, было не только его твореніемъ, но и сдѣлалось какимъ-то вторымъ его существомъ, такъ-что нельзя было представить себѣ ни Археологическое Общество безъ графа Уварова, ни графа Уварова безъ Московскаго Археологическаго Общества.

Мои сочлены, также какъ и сторонніе посѣтители, конечно, еще находятся подъ живымъ впечатлѣніемъ той любезности и вмѣстѣ тѣхъ внушительныхъ пріемовъ, съ которыми онъ велъ засѣданія этого Общества, т. е. его умѣнья съ дружественнымъ, семейнымъ тономъ ихъ соединять серьезный, строго научный характеръ. О себѣ могу сказать откровенно что я приходилъ сюда и отдыхать, и учиться; а потому былъ однимъ изъ самыхъ постоянныхъ посѣтителей. Можно представить себѣ какъ много всякаго рода крупныхъ и мелкихъ вопросовъ, чисто археологическихъ или имѣющихъ связь съ Археологіей, было отчасти поставлено на видъ, отчасти обслѣдовано, отчасти рѣшено въ теченіи двадцатилѣтняго періода. Все это нашло мѣсто въ неперіодическомъ изданіи «Древности», которое представляетъ точное отраженіе жизни и дѣятельности нашего Археологическаго Общества, и которое, главнымъ образомъ, наполнено трудами все того же незабвеннаго предсѣдателя и основателя этого Общества. Разнообразіе разсмотрѣннаго здѣсь научнаго матеріала обусловливалось главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что покойный графъ Алексѣй Сергіевичъ, при своемъ классическомъ и широкомъ научномъ образованіи, умѣлъ привлекать къ участію въ Обществѣ кромѣ знатоковъ вещественныхъ памятниковъ, нумизматовъ и историковъ, также филологовъ, этнографовъ, антропологовъ, юристовъ, естествовѣдовъ, архитекторовъ и т. д., однимъ словомъ всѣхъ тѣхъ, которые заявили себя прикосновенными сюда учеными трудами или просто обнаруживали научный интересъ къ какому-либо от-

дѣлу древностей. Въ этомъ отношеніи, можно сказать, имъ были почти исчерпаны тѣ наличныя силы, которыя представляетъ городъ Москва. И теперь, т. е. по прошествіи 20 лѣтъ, когда нѣкоторые члены уже отошли въ вѣчность, другіе болѣютъ, третьи не могутъ болѣе удѣлять своего времени или съ годами ослабѣли въ своей энергіи, четвертые уклоняются по какимъ-либо другимъ причинамъ, чувствуется потребность освѣжить Археологическое Общество новыми дѣятелями: но это сдѣлать не легко, именно потому что покойнымъ графомъ, какъ я сказалъ, были до нѣкоторой степени исчерпаны наши наличныя силы. Придется можетъ быть ждать, пока подготовится новое поколѣніе людей безкорыстно преданныхъ наукѣ древностей какъ отечественныхъ, такъ и всемірныхъ: а самое главное, нѣтъ болѣе того авторитетнаго, энергическаго и страстно любившаго эту науку руководителя, который все одушевлялъ, объединялъ и всѣхъ направлялъ къ одной общей цѣли.

Заботливость его объ отечественныхъ древностяхъ и распространенія археологическаго интереса въ русскомъ обществѣ, какъ извѣстно, неограничивалась однимъ городомъ Москвою, а обнимала почти всѣ области Европейской Россіи. Прекраснымъ средствомъ для этой цѣли послужили устроенные имъ археологическіе съѣзды. И тутъ въ полномъ блескѣ обнаружилось его организаторскій талантъ: онъ умѣлъ найти матеріальныя средства и привлечь къ участію и вызвать къ усиленной дѣятельности мѣстныя ученыя силы: снаряжалъ экспедиціи для произведенія научныхъ изысканій и вообще дѣлалъ ихъ дѣятелями, вообще такъ усердно трудился и такъ искусно направлялъ всѣ подготовительныя работы, что археологическіе съѣзды бывали замѣчательно хорошо обставлены, и выполнены были столько матеріаловъ, что не стоило бы никакого продолжительнаго срока засѣданій, не хватало времени, чтобы вычерпать весь этотъ матеріалъ. Стоитъ только просмотрѣть сдѣланные изданныя плоды трудовъ этихъ съѣздовъ, или только ихъ библіотеки, чтобы получить понятіе о массѣ собранныхъ матеріаловъ и его разработкѣ. Въ собраніи этихъ книгъ въ всѣ труды съѣздовъ вошли вмѣстѣ. У каждаго были вмѣстѣ столько научныхъ изысканій и объясненій вносили все съѣзды въ ис-

тное населеніе, конечно въ наиболѣе интеллигентную его часть. Доселѣ для нихъ избирались преимущественно университетскіе города. Съѣзжавшіеся съ разныхъ сторонъ русскіе ученые здѣсь входили въ дружеское взаимное общеніе, мѣнялись своими мыслями и свѣдѣніями и въ тоже время ближе знакомились съ разными краями нашего обширнаго отечества. Начались они въ самомъ археологическомъ и національномъ центрѣ нашемъ, т. е. въ Москвѣ. Продолжались въ центрѣ нашей современной цивилизаціи и администраціи, т. е. въ Петербургѣ, съ его обширнымъ сѣверозападнымъ райономъ, который, между прочимъ, важенъ для археологіи своими многочисленными сопками и жальниками, т. е. могильными курганами. Потомъ мы перешли въ древнѣйшее средоточіе Руси, въ Кіевъ, съ его драгоцѣнными памятниками до-Татарской эпохи, и совершили экскурсію внизъ по Днѣпру. Далѣе слѣдовала Казань съ ея восточными инородцами и арабско-татарскими воспоминаніями и съ экскурсіей по Волгѣ на развалины древнихъ Болгаръ. Потомъ выступилъ на очередь Тифлисъ съ неизгладимыми впечатлѣніями отъ величественной кавказской природы, съ интересной поѣздкой по желѣзной дорогѣ въ Мцхетъ и Кутаисъ. Любопытно, что за Кавказомъ общество хотя и неуниверситетское, а только жаждущее имѣть университетъ, отнеслось къ съѣзду самымъ радушнымъ и симпатичнымъ образомъ, и оставило въ его участникахъ наиболѣе свѣтлую память. Въ заключеніе явилась Одесса, съ ея меркантильнымъ характеромъ и припонтійскими степями, въ которыхъ постепенно открываются безчисленные памятники древней Скиѳіи и греческихъ колоній, и съ поѣздкой по Черному морю въ Севастополь на мѣсто знаменитаго Херсонеса. Все это сообщало не только обширный матеріалъ для научнаго изученія, но и давало массу разнообразныхъ, освѣжающихъ впечатлѣній. Лично я долженъ относиться съ особою благодарностію къ этой сторонѣ дѣятельности покойнаго, потому что воспользовался ею болѣе другихъ, ибо послѣ графа Алексѣя Сергіевича въ настоящее время, судя по спискамъ, я представляю единственное лицо, которое принимало непосредственное участіе во всѣхъ бывшихъ шести съѣздахъ. Если были заявлены мною нѣкоторыя опасенія за дальнѣйшую

судьбу основаннаго имъ Археологическаго Общества, то еще сильнѣе возникаетъ теперь вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ заведенныхъ имъ періодическихъ съѣздовъ; такъ какъ на этомъ поприщѣ онъ окончательно не замѣнимъ.

Изъ сказаннаго мною вы видите, Мм. Гг., какъ много въ научномъ отношеніи я обязанъ покойному графу. Не берусь опредѣлять степень вліянія его археологической дѣятельности на моихъ товарищей по спеціальности, т. е. на занимающихся Русской исторіей, хотя нисколько въ этомъ вліяніи не сомнѣваюсь; для меня же лично оно было весьма осязательно.

Въ послѣдніе годы жизни покойный связалъ свое имя еще съ замѣчательнымъ гасударственнымъ сооруженіемъ, въ которое онъ, по обыкновенію, вложилъ свою душу и на которое положилъ много своихъ силъ и здоровья. Я разумѣю Историческій музей въ Москвѣ. Но о его трудахъ въ этомъ дѣлѣ предоставляю говорить другимъ, ближе съ нимъ знакомымъ.

Выдающагося дѣятеля науки можно уподобить свѣтильнику, озаряющему болѣе или менѣе яркимъ пламенемъ среду, его окружающую. Прекратилось земное существованіе; но вмѣстѣ съ нимъ еще не погасъ свѣтильникъ. Его отрадный свѣтъ еще долго будетъ разливаться посредствомъ его ученыхъ трудовъ, его учениковъ и послѣдователей, а въ данномъ случаѣ также посредствомъ научныхъ учрежденій, имъ основанныхъ, и интересовъ, имъ возбужденныхъ.

ВОСПОМИНАНІЕ

О ГРАФѢ А. С. УВАРОВѢ И ЕГО ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ РУССКИМЪ АРХИВАМЪ *).

Директора Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ

Барона Ѳ. А. Бюлера.

Съ покойнымъ графомъ А. С. Уваровымъ я находился въ дружескихъ отношеніяхъ въ продолженіе слишкомъ 40 лѣтъ. Мы сошлись, когда онъ былъ еще студентомъ, а я уже начиналъ службу, и мнѣ всегда останется дорого воспоминаніе о молодости, которая имъ и мною была посвящена труду и пріобрѣтенію полезныхъ познаній. Въ 1850 году онъ очень сочувственно отнесся къ моему назначенію на Востокъ и, при отличавшей его любознательности, интересовался впослѣдствіи впечатлѣніями, которыя я вынесъ оттуда. Въ 1860-хъ годахъ насъ сближало и то, что, какъ истинный патріотъ, графъ былъ почитателемъ національной политики моего тогдашняго непосредственнаго начальника, Государственнаго Канцлера князя Горчакова. Когда же я въ 1873 году переселился въ Москву, то онъ сталъ меня приглашать на свои вечернія собранія, душею которыхъ былъ М. П. Погодинъ и, по желанію моему, предложилъ меня въ члены Московскаго Археологическаго Общества, которое и удостоило меня своимъ избраніемъ.

*) Прислано для прочтенія въ засѣданіи 28 февраля.

Между тѣмъ, съ 1869 года начались Археологическіе съѣзды. Московскій Главный Архивъ получилъ приглашеніе лишь на 2-й съѣздъ, С.-Петербургскій, и по тогдашней перепискѣ не видно, послѣдовалъ ли какой-либо отвѣтъ. За то, лишь только мнѣ удалось перевезти Архивъ въ 1875 г. съ Солянки на Воздвиженку, гр. А. С. Уваровъ поспѣшилъ осмотрѣть въ подробности новое помѣщеніе и привезъ мнѣ изданія Археологическаго Общества, прося установить обмѣнъ Архивскими изданіями, и въ программу 4-го съѣзда (Казанскаго), на который я своевременно получилъ приглашеніе, уже включены были Архивскіе письменные памятники. Это имѣло прямымъ послѣдствіемъ прочтеніе на самомъ съѣздѣ, управляющимъ Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи Н. В. Калачовымъ, реферата объ Архивной части въ Россіи, а въ Высочайше ввѣренномъ мнѣ Архивѣ, составленіе указателей дѣламъ бывшаго Приказа Казанскаго Дворца (къ сожалѣнію, до сихъ поръ не напечатанныхъ) и сообщеніе ихъ съѣзду, вмѣстѣ съ рисунками (изъ портфелей Миллера) Болгарскаго городища.

Вызванное такимъ образомъ гр. Уваровымъ и постоянно поощряемое имъ. участіе Архивовъ въ Археологическихъ съѣздахъ, продолжалось въ 1881 и 1884 г. въ Тифлисѣ, гдѣ я имѣлъ честь быть лично. и въ Одессѣ, гдѣ помощникъ Н. В. Калачова. А. А. Орловъ прочелъ свой прекрасный Историческій очеркъ г. Одессы.

Тѣ. которые мало знали почившаго графа, предполагали въ немъ нѣкоторую односторонность. Я же всѣмъ вышесказаннымъ старался доказать. что онъ живо интересовался всѣмъ тѣмъ. что имѣло малѣйшее отношеніе къ той наукѣ, которой онъ посвятилъ свою достославную жизнь.

РѢЧЬ

ПРЕДСТАВИТЕЛЯ РОСТОВСКАГО МУЗЕЯ ДРЕВНОСТЕЙ

А. А. Титова.

Объ отношеніяхъ графа Алексѣя Сергѣевича Уварова къ Ростову Великому..

Ученые труды почившаго графа А. С. Уварова такъ тѣсно связаны съ Ростовскимъ краемъ, что я позволю себѣ хотя въ самыхъ короткихъ словахъ освѣжить въ памяти почитателей графа его археологическія изысканія въ Ростовской области и отчасти разсказать объ его отношеніяхъ къ Ростову-Великому.

Въ самые лучшіе годы своей жизни, 1850—1854 гг., графъ производилъ раскопки въ Ростовско-Суздальской области. Имъ въ этотъ промежутокъ времени,—не говоря уже о знаменательномъ открытіи въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ могилы спасителя Отечества князя Пожарскаго,—изслѣдовано 7729 кургановъ. Эти разрытыя могилы первыхъ аборигеновъ края доставили богатые матеріалы объ ихъ обычаяхъ, домашнемъ бытѣ, торговыхъ сношеніяхъ, и послужили матеріаломъ для знаменитаго сочиненія: «Меряне и ихъ бытъ, по курганнымъ раскопкамъ».

Въ Ростовскомъ уѣздѣ графомъ были изслѣдованы мѣстности при селеніяхъ: Шурсколѣ, Богословѣ, Шугори, Подывьѣ, Любильцевѣ, Старовѣ, Буковѣ, Вепри, Бикани, Карашѣ, Григоровѣ, Романцевѣ; затѣмъ на однихъ только небольшихъ поляхъ дер. Кустери, въ 6 верстахъ отъ Ростова, разрыта группа, состоящая изъ 213 кургановъ, содержавшая въ себѣ костяки, жженыя тѣла и монеты XI вѣка; при селѣ Деболахъ изслѣдованъ упоминаемый въ лѣтописяхъ Городецъ на р. Сарѣ, при чемъ найдено множество драгоцѣнныхъ для науки находокъ IX и X вѣка.

Какъ оставшіеся курганы при д. Кустери, такъ равно и Городецъ на Сарѣ, по порученію графа, мною были снова изслѣдованы въ 1881 г., и кромѣ того покойный графъ въ 1883 г. указывалъ мнѣ сдѣлать въ этихъ же мѣстностяхъ еще изысканія и поручилъ изслѣдовать находящуюся при той же р. Сарѣ близъ Переславскаго уѣзда гору св. Маріи. Эта мѣстность, еще до порученія графа мною осмотрѣнная, въ виду исторической важности и несомнѣнныхъ слѣдовъ строеній, должна быть основательно изслѣдована, что, во исполненіе воли покойнаго, мною будетъ сдѣлано при первой возможности; самая же мѣстность, при участіи владѣльца—члена нашего Общества Д. А. Булатова, снята на планъ, который вмѣстѣ съ описаніемъ уже печатается.

Помимо курганныхъ раскопокъ графъ въ Ростовскомъ уѣздѣ собиралъ рукописи и немало сохранилъ отъ уничтоженія разныхъ древнихъ свитковъ [1]).

Не одни впрочемъ письменные памятники спасалъ онъ въ нашихъ краяхъ. Имъ спасенъ и знаменитый древній храмъ Спасъ-Песоцкаго монастыря, мѣсто погребенія княгини Маріи, супруги строителя Ростовскаго Успенскаго собора кн. Василько, мученически убитаго въ 1238 году татарами въ Шеренскомъ лѣсу. Въ этомъ храмѣ, въ 1879 г., задумано было устроить еще нѣчто вродѣ нижней церкви съ усы-

---

[1]) Въ 1882 году, въ Эсентукахъ, онъ лично мнѣ разсказывалъ, что пріѣхавъ въ одинъ монастырь и войдя въ келлію настоятеля, онъ увидѣлъ въ углу прихожей цѣлую груду свитковъ. На вопросъ его—разбираетъ что ли о. настоятель эти рукописи, послѣдній простодушно отвѣчалъ: «Нѣтъ, куда ихъ разбирать; я перенесъ ихъ изъ монастырской башни, и онѣ идутъ на подтопку печи: березовая лучина нынче дорога, а свитки валяются и гніютъ такъ же.» Графъ далъ о. настоятелю 5 рублей «на лучину», и спасъ отъ истребленія эту не нужную для монастыря рухлядь.

пальницей и уже начаты были такія передѣлки, что дальнѣйшее существованіе храма представлялось сомнительнымъ. Протоколы Московскаго Археологическаго Общества за 1880 г. оставили намъ свидѣтельство, съ какой энергіей графъ спасалъ этотъ драгоцѣнный архитектурный памятникъ до-Петровской Руси.

Но самая важная заслуга графа, связавшая его имя съ исторіей Ростова-Великаго, это—возобновленіе Бѣлой Палаты и Княжихъ Теремовъ и устройство Музея древностей въ этой Палатѣ.

Въ 1882 году онъ указалъ мнѣ на особенное значеніе этого памятника. «Унасъ—говорилъ онъ мнѣ—еще много осталось сохранившихся церквей XVII в., но жилыхъ домовъ за это время почти нѣтъ; подумайте какъ нибудь о реставраціи этихъ развалинъ». Я не стану повторять здѣсь, какъ это устроилось, но скажу лишь, что всѣ работы по Бѣлой Палаты доводились до свѣдѣнія графа, и я въ 1883 году лично и довольно часто представлялъ ему рисунки и получалъ указанія, которыми и руководствовался мой сотоварищъ И. А. Шляковъ. Такъ, когда мы предположили реставрировать Княжіе Терема, служившіе потомъ помѣщеніемъ Греко-латинскаго училища, устроеннаго св. Димитріемъ Ростовскимъ, то графъ рекомендовалъ придерживаться вполнѣ научной реставраціи, произведенной трудами В. Е. Румянцова,—древнихъ библіотечныхъ палатъ Печатнаго двора, находящихся во дворѣ Московской Синодальной Типографіи.

Затѣмъ возобновленіе древняго Григорьевскаго монастыря—Затвора, полнаго воспоминаніями о великомъ Русскомъ апостолѣ св. Стефанѣ Пермскомъ, сдѣлалось тоже по его иниціативѣ.

Вотъ кто былъ истиннымъ возобновителемъ нашего Ростовскаго кремля, вотъ кто первый положилъ начало этому дѣлу. То, что казалось многимъ невозможнымъ, графъ находилъ возможнымъ, и онъ былъ правъ.

Не считаю своевременнымъ приводить здѣсь личныя свои воспоминанія о покойномъ графѣ Уваровѣ, остающіяся въ моихъ запискахъ, и надѣюсь, что впослѣдствіи они могутъ быть или мною, или моими наслѣдниками напечатаны. Теперь скажу лишь одно, что графъ былъ моимъ руководите-

лемъ; имъ я былъ предложенъ въ члены Московскаго Археологическаго Общества; ему я многимъ, многимъ обязанъ. Онъ умеръ, но память о немъ будетъ воистинну вѣчная; на немъ блестящій вѣнецъ безсмертія! Скорбя о его кончинѣ и видя во очію это искреннее сочувствіе къ покойному, я могу только повторить слова: «Смерть, гдѣ твое жало! Адъ, гдѣ твоя побѣда!».

РѢЧЬ

ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ТВЕРСКАГО МУЗЕЯ ДРЕВНОСТЕЙ

А. К. Жизневскаго.

Объ отношеніяхъ графа Алексѣя Сергѣевича Уварова къ Тверскому Музею древностей.

Имя графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, какъ археолога, давно уже сдѣлалось въ Россіи общеизвѣстнымъ, популярнымъ; оно означаетъ уже сложившееся опредѣленное понятіе. Много дано было ему благосклонною судьбою и весьма многое онъ отдалъ любимой наукѣ. Можно смѣло сказать, что онъ принесъ въ жертву этой любви даже свою, столь дорогую, жизнь. Не даромъ, вѣсть о его кончинѣ отозвалась повсемѣстно въ Россіи тяжкою скорбью, какъ о великой, незамѣнимой утратѣ. Всѣ голоса слились въ одинъ, чтобы засвидѣтельствовать незабвенныя заслуги графа обезсмертившія его. Въ лѣтопись славныхъ дѣлъ графа Алексѣя Сергѣевича Уварова да будетъ позволено и мнѣ внести нѣсколько словъ объ отношеніяхъ его къ Тверскому музею.

Исходя изъ того убѣжденія, что самое широкое знаніе прошлаго народа является непремѣннымъ условіемъ пробужденія его самосознанія и правильнаго успѣшнаго развитія духовныхъ его силъ, графъ Алексѣй Сергѣевичъ съ замѣчательнымъ вниманіемъ относился ко всякой попыткѣ изслѣдованія мѣстныхъ древностей, ко всякому, хотя бы и очень скромному труду на обширномъ поприщѣ русской исторической науки.

Кому неизвѣстно его рѣдкое умѣнье отыскивать и соединять въ одну дружную семью всѣ единичныя, раздробленныя до него силы, подвизавшіяся на этомъ поприщѣ? Замѣтивъ въ комъ либо малѣйшую искру сочувствія къ своей любимой наукѣ, графъ прилагалъ все стараніе къ тому, чтобы превратить эту искру въ яркій пламень любви, благороднаго увлеченія знаніемъ, и тѣ счастливцы, а ихъ было не мало, которые подпадали чарующему вліянію этой свѣтлой, идеальной личности, на себѣ испытали, что зажженное въ нихъ и взлелѣянное его нѣжною рукою чувство любви къ наукѣ, можетъ погаснуть въ нихъ лишь вмѣстѣ съ жизнію.

Обладая нѣкоторыми данными, свидѣтельствующими о такихъ именно выдающихся сторонахъ этой въ высокой степени симпатичной личности, я долгомъ считаю подѣлиться имѣющимся у меня матеріаломъ со всѣми почитателями графа А. С.

Избранный помощникомъ предсѣдателя Тверскаго Статистическаго Комитета, я возъимѣлъ въ 1872 г. намѣреніе приступить къ изученію Тверской губерніи въ историческомъ отношеніи и занялся розысканіемъ и собираніемъ памятниковъ старины, помѣщая свои пріобрѣтенія въ Тверскомъ музеѣ, въ особомъ, тогда же открытомъ, Археологическомъ отдѣлѣ. Узнавъ объ этомъ, графъ А. С. Уваровъ не преминулъ посѣтить Тверь для обозрѣнія Тверской старины. Прибывъ сюда въ мартѣ 1873 г, онъ, со всегда отличавшею его энергіею и чарующею любезностію, ободрилъ начинающаго и влилъ въ него, если можно такъ выразиться, часть своей души. Съ этого времени графъ А. С. находился въ постоянныхъ, оживленныхъ сношеніяхъ со мною по поводу Музея, горячо принимая къ сердцу всѣ его успѣхи.

Сознавая свою неподготовность къ занятіямъ археологіею, я заявилъ графу, что намѣренъ ограничиться однимъ лишь собираніемъ древнихъ предметовъ, предоставляя описаніе ихъ другимъ болѣе свѣдующимъ людямъ. И онъ взялъ самъ на себя этотъ трудъ, приступивъ къ составленію статьи о мало извѣстныхъ дотолѣ тверскихъ памятникахъ. Для этой статьи графъ уже заготовилъ было рисунки болѣе интересныхъ предметовъ. Между тѣмъ, въ это самое время, именно въ началѣ 1874 г., въ Вѣстникѣ Общества любителей Древ-

не-русскаго искуства были напечатаны мои письма къ Г. Д. Филимонову, въ которыхъ были описаны тѣ же памятники Тверской старины. Объ этихъ письмахъ, отправленныхъ еще въ 1872 г., я предварялъ графа, тѣмъ не менѣе такое обстоятельство не могло не быть для него крайне непріятнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ намѣревался къ осени напечатать болѣе подробное изслѣдованіе объ этихъ памятникахъ. Но какъ ни досадно было все это, графъ Алексѣй Сергѣевичъ подавилъ въ себѣ понятное чувство неудовольствія и продолжалъ относиться ко мнѣ съ прежнимъ любезнымъ вниманіемъ: свое письмо, отъ 9 іюля 1874 г., писанное по этому поводу, онъ заканчивалъ слѣдующими привѣтливыми словами:

«Впрочемъ, во всякомъ случаѣ наше Общество и русская наука Вамъ глубоко благодарны за ваши изслѣдованія объ отечественныхъ памятникахъ, и надѣюсь, что и впредь Вы не откажетесь доставлять свѣдѣнія для нашихъ «Древностей.» Теперь-же, для искупленія Вашего невольнаго грѣха, Вы обязаны пріѣхать на съѣздъ въ Кіевъ и доставить мнѣ удовольствіе съ Вами лично повидаться. Надѣюсь на скорое свиданіе».

Не видя однако, кто-бы согласился помочь мнѣ въ составленіи описанія предметовъ, поступавшихъ въ музей, я не имѣлъ силъ устоять противъ неотразимаго вліянія на меня графа. Къ тому же, я надѣялся обезпечить сохранность археологическихъ предметовъ чрезъ оглашеніе ихъ въ печати. По этому, въ 1876 году, я рѣшился составить описаніе немногихъ предметовъ, бывшихъ тогда въ Тверскомъ музеѣ. Первая моя попытка принята графомъ А. С. весьма сочувственно, какъ можно судить по письму его, отъ 24 ноября 1876 года: «Я прочелъ Вашъ каталогъ съ большимъ вниманіемъ», пишетъ графъ, «и сдѣлалъ на поляхъ нѣсколько замѣчаній относительно необходимыхъ фотографій съ самыхъ любопытныхъ предметовъ. Мы можемъ его напечатать въ нашихъ «Древностяхъ», если Вы мнѣ дозволите сдѣлать должныя примѣчанія къ тѣмъ Тверскимъ памятникамъ, коихъ рисунки у насъ уже приготовлены. Затѣмъ, необходимо нумизматическую часть описать болѣе подробно и съ ссылками на нумизматическія описанія Черткова, Рейхеля, Шуберта

и Шодуара. Когда Вы намъ доставите фотографіи, мы закажемъ съ нихъ политипажи и приступимъ къ печати».

Ободренный въ этомъ новомъ для меня дѣлѣ и обнадеженный обѣщанною графомъ помощію, я занялся составленіемъ описанія Музея, которое и украсилось именемъ графа А. С. Уварова». Первый выпускъ появился въ «Древностяхъ» въ 1877 году подъ такимъ заглавіемъ: «Описаніе Тверскаго музея, А. К. Жизневскаго, съ примѣчаніями графа А. С. Уварова»; а во 2-мъ выпускѣ, вышедшемъ въ слѣдующемъ году, появились и крайне интересныя примѣчанія графа.

Съ какимъ живымъ участіемъ графъ А. С. слѣдилъ за составленіемъ описанія Тверскаго музея, можно видѣть изъ слѣдующаго письма, отъ 18 декабря 1877 года: «Сейчасъ получилъ Ваше письмо и вмѣсто отвѣта посылаю Вамъ просьбу. Для окончательнаго описанія Вашего музея мнѣ необходимо побывать у Васъ въ Твери на день или два. Могу ли пріѣхать къ Вамъ въ середу 21 числа и могу ли остановиться у Васъ, если не буду Васъ безпокоить? Я привезу готовыя гранки, и мы осмотримъ все вмѣстѣ и сравнимъ съ самыми предметами. Отвѣчайте мнѣ по телеграфу».

Къ сожалѣнію, назначенное свиданіе не состоялось.

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 13-го января 1878 года, графъ пишетъ: «Очень благодарю Васъ за письмо и за тѣ чувства, которыя Вами выражены, но, къ сожалѣнію моему, ни мое здоровье, ни, въ особенности, женнино не позволяютъ мнѣ привести теперь въ исполненіе мое искреннее желаніе побывать въ Твери. Я уже выѣзжаю, а жена лежитъ въ постелѣ. Надѣюсь, впрочемъ, чрезъ нѣсколько дней извѣстить Васъ о моемъ археологическомъ нашествіи. Итакъ до скораго свиданія». Но и на этотъ разъ пришлось отложить поѣздку, такъ какъ графъ вновь занемогъ, и только 3-го февраля, желанный и давно ожидаемый мною гость наконецъ пожаловалъ, а 5-го числа графъ обратно отправился въ Москву. Все это время онъ занимался изученіемъ памятниковъ мѣстной старины. Его не утомляли ни безпрерывные осмотры древностей, ни бесѣды, веденныя далеко за полночь.

Между тѣмъ, Тверской музей продолжалъ наполняться; нѣкоторыя изъ его пріобрѣтеній оказались крайне замѣчатель-

ными; желательно было включить ихъ въ изготовленное для печати описаніе; почему, не однократно пришлось дополнять и исправлять его; вслѣдствіе чего 3-й выпускъ описанія, съ примѣчаніями графа Уварова, былъ напечатанъ только въ 1883 году [1]). Къ сожалѣнію, послѣдніе отдѣлы описанія, которые уже печатаются, остались безъ примѣчаній графа А. С. Пятый Археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ, устройство Историческаго музея въ Москвѣ и, наконецъ, болѣзнь графа А. С., начавшая развиваться съ 1882 года, лишили его возможности заняться составленіемъ примѣчаній къ послѣднимъ отдѣламъ. Тѣмъ не менѣе, графъ А. С. не переставалъ сочувственно относиться къ Тверскому музею и осенью 1883 года, больной, отъѣзжая за границу, въ прощальномъ письмѣ своемъ ко мнѣ, отъ 2 октября, заботливо увѣдомляетъ о своемъ распоряженіи относительно печатанія, въ его отсутствіе, описанія Тверскаго музея. Въ этомъ же письмѣ графъ вспомнилъ про послѣднее посѣщеніе Твери и про ночную бесѣду о предположеніяхъ своихъ на счетъ Московскаго Историческаго музея, на который онъ истратилъ всѣ свои силы. Еще въ 1882 г., видя заботы графа по устройству этого музея и не прекращавшуюся болѣзнь его (графъ не берегъ себя въ виду предстоящаго открытія Историческаго музея), нельзя было не опасаться печальнаго исхода такому сильному напряженію его духовныхъ и физическихъ силъ. И эти опасенія сбылись къ несчастію. За пять недѣль до его кончины, 22-го ноября истекшаго года, я видѣлъ графа. Ему тогда было нѣсколько легче, и у насъ ожила надежда, хотѣлось вѣрить въ его выздоровленіе! Я старался сократить посѣщеніе, опасаясь утомить больнаго, но графъ А. С. съ прежнимъ оживленіемъ интересовался Тверскимъ музеемъ и его описаніемъ; передавалъ мнѣ о предполагаемыхъ работахъ по устройству Московскаго Историческаго музея и о намѣреніи своемъ помѣстить въ немъ, въ особомъ залѣ, Тверскія

---

[1]) Такое не одновременное появленіе въ печати «Описанія Музея» по частямъ неминуемо вліяло на непропорціональность его отдѣловъ. Такъ, въ отдѣлъ «Первобытная древности», «Каменныя Орудія», «Курганные предметы», вошла только $^1/_5$ часть предметовъ, находящихся нынѣ въ Музеѣ. Тоже можно сказать о древнихъ иконахъ. Описаніе этихъ предметовъ придется помѣстить въ 1-мъ дополненіи къ Описанію музея.

древности... 29-го же декабря не стало графа Алексѣя Сергѣевича Уварова!

Миръ праху твоему, благороднѣйшій представитель русской науки, и вѣчная о тебѣ память въ признательномъ отечествѣ, во имя славы и величія котораго ты трудился цѣлую жизнь!

РѢЧЬ

ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РОССІЙСКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО МУЗЕЯ

В. И. Сизова.

О графѣ А. С. Уваровѣ, какъ организаторѣ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея.

Предлагая съ настоящемъ засѣданіи вниманію Вашему свои воспоминанія о дѣятельности графа А. С. Уварова по устройству Историческаго Музея, я прежде всего долженъ выразить сожалѣніе, что по краткости времени могу, только въ бѣгломъ очеркѣ, представить Вамъ эту дѣятельность, которая и была послѣднимъ подвигомъ графа на пользу изученія Русской исторіи и археологіи.

Еще въ 1873—74 годахъ графъ принималъ дѣятельное участіе въ первоначальной коммиссіи по устройству Историческаго Музея, но затѣмъ вскорѣ, не раздѣляя взглядовъ коммисіи на характеръ и значеніе будущаго Музея, онъ совсѣмъ уклонился отъ участія въ этомъ дѣлѣ.

Въ концѣ мая 1881 года Государю Императору благоугодно было устройство Историческаго Музея всецѣло поручить графу Уварову, при чемъ Государь Императоръ, при личномъ свиданіи съ графомъ, выразилъ желаніе, чтобы хотя десять залъ Музея были уже открыты ко времени Священнаго Коронованія. Въ то же время послѣдовало и Высочайшее назначеніе Его Императорскаго Высочества Великаго князя Сергія Александровича Августѣйшимъ Предсѣдателемъ Музея;

графъ же А. С. принялъ званіе Товарища Предсѣдателя и въ тоже время былъ назначенъ предсѣдателемъ Строительной Коммиссіи Музея, главныя функціи которой заключались въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ и въ формальностяхъ веденія дѣлъ. Для рѣшенія художественно-научныхъ вопросовъ, въ помощь графу, собиралась по временамъ такъ называемая «Ученая коммиссія».

Пріемъ зданія, разборъ старыхъ дѣлъ, новая организація строительной и административной части Музея,—все это заняло у графа первые лѣтніе мѣсяцы 81-го года. При этомъ должно замѣтить, что графъ получилъ зданіе Музея, въ видѣ кирпичныхъ голыхъ стѣнъ, безъ оконъ и дверей и даже безъ потолковъ, такъ что лѣтомъ дождь, а зимой снѣгъ легко попадали внутрь зданія. Не считая библіотеки Хмырова—единственной коллекціей, полученной въ наслѣдство отъ прежней коммиссіи—была коллекція, заключающая въ себѣ остатки Севастопольскаго отдѣла Политехнической Выставки; за немногими исключеніями, эти вещи даже вовсе не подходили къ задачамъ Историческаго Музея.

Несмотря на лѣтнія подготовительныя работы, графъ осенью тогоже года открывалъ въ Тифлисѣ 6-й Археологическій съѣздъ.

Осенью, по возвращеніи графа съ Кавказа, работы въ Музеѣ пошли усиленнымъ ходомъ. Характеръ этихъ работъ по внутренней отдѣлкѣ зависѣлъ, разумѣется, отъ взгляда графа на задачи Историческаго Музея.

По идеѣ графа, Россійскій Историческій Музей долженъ собрать въ свои стѣны, систематически расположенные, вещественные памятники нашей старины и притомъ такіе характерные памятники, изученіе и разъясненіе которыхъ могли бы способствовать ясному, всестороннему пониманію всей прошедшей жизни Русскаго народа.

Итакъ, представляя себѣ Музей какъ центральное собраніе памятниковъ, важныхъ для изученія нашей прошлой жизни, графъ этимъ самимъ опредѣленіемъ коренныхъ задачъ Музея вполнѣ обезпечилъ его научный характеръ, при чемъ и самая разработка деталей въ огранизаціи Музея, подчиняясь этимъ основнымъ принципамъ, получала научный и опредѣленный характеръ.

Но полагая въ основу Музея такія задачи, графъ не забывалъ что публичный Историческій Музей долженъ имѣть и общеобразовательное значеніе: отворяя широко двери для ученыхъ и для публики, Музей долженъ возбуждать и поддерживать въ послѣдней живой интересъ и уваженіе къ родной старинѣ.

Въ виду этой публичности Музея и была проэктирована графомъ орнаментація залъ; кромѣ того, этому интересу публики долженъ былъ служить рядъ историческихъ картинъ, а также въ одной изъ не большихъ залъ устройство образцовой комнаты боярина XVI или XVII вѣка со всей ея бытовой обстановкой. Сюда же нужно отнести устройство моделей съ кургановъ и гробницъ и наконецъ составленіе Указателя Музея.

Впрочемъ и во всѣхъ указанныхъ мною случаяхъ графъ старался придерживаться строго научной почвы, такъ что и эти всѣ средства находились въ тѣсной органической связи съ основнымъ научнымъ характеромъ Музея.

Проходя по заламъ, расположеннымъ въ хронологической послѣдовательности, легко замѣтить, что орнаментація карнизовъ, наличниковъ дверей и оконъ въ первыхъ залахъ, начиная съ двухъ залъ «каменнаго вѣка», взята прямо съ древнихъ вещей, разложенныхъ большею частію тутъ же въ витринахъ. Такого рода орнаментація ставитъ въ живую связь стѣны залъ съ господствующимъ вкусомъ эпохи: мотивы этихъ орнаментовъ предъ глазами зрителя дѣлаютъ этотъ вкусъ болѣе яснымъ и замѣтнымъ. Залы съ такой орнаментаціей, заимствованной съ мелкихъ вещей, не имѣютъ претензіи, разумѣется, представлять архитектурный вкусъ эпохи,—залы эти относятся къ тому времени, когда архитектуры въ тѣсномъ смыслѣ не существовало или памятниковъ ея не сохранилось. Но въ залахъ болѣе поздней эпохи украшенія стѣнъ берутся уже всецѣло, съ наиболѣе характерныхъ архитектурныхъ памятниковъ, или точнѣе,—копіи и слѣпки съ украшеній этихъ архитектурныхъ памятниковъ переносятся прямо на стѣны Музея.

Подъ руководствомъ графа и при его содѣйствіи въ выборѣ научнаго матеріала, архитекторомъ А. П. Поповымъ составлялись рисунки для орнаментаціи всѣхъ залъ. Просматривая послѣдовательно эти рисунки, можно смѣло сказать, что, когда они будутъ выполнены на дѣлѣ, орнаментація музейскихъ

залъ явится глазамъ посѣтителя наглядной и художественой лѣтописью архитектурныхъ и вообще художественныхъ вкусовъ за все время исторической жизни Рускаго народа.

Что же касается историческихъ картинъ, то графъ допускалъ ихъ только въ ограниченномъ числѣ и съ большой обдуманностью и строгостью относился, какъ къ выбору сюжета, такъ и къ выбору художника, принимая при этомъ во вниманіе тѣ особенности художественнаго таланта, которыя могли бы соотвѣтствовать избранному сюжету.

Живопись, по мнѣнію графа, не должна заслонять собою научнаго матеріала Музея: она должна только помогать воображенію посѣтителя перенестись въ отдаленную эпоху, или сдѣлать нагляднымъ какое-либо описаніе древняго обряда или историческаго событія, составленнаго свидѣтелемъ-современникомъ. Такъ, напр., лежащія въ витринахъ кремневыя стрѣлы, каменные топоры, кости мамонта, благодаря картинѣ Васнецова—«Бытовыя сцены изъ жизни людей каменнаго періода»—для посѣтителя-неспеціалиста получаютъ реальную, жизненную окраску. Двѣ картины Семирадскаго, служа роскошной иллюстраціей къ текстамъ Ибнъ-Фадлана и Льва-Діакона, вмѣстѣ съ тѣмъ придаютъ болѣе жизненнаго интереса тѣмъ погребальнымъ урнамъ, которыя стоятъ въ витринахъ этой залы.

Всѣ указанныя мною средства для популяризаціи научныхъ коллекцій служили вмѣстѣ съ тѣмъ и гранью, дальше которой Музей не долженъ былъ итти; такимъ образомъ, сочувствуя вообще народнымъ чтеніямъ, графъ, однако же, организаціи этихъ чтеній не желалъ вводить въ задачи Музея, изъ боязни не нарушить чисто научнаго характера этихъ задачъ. Тѣмъ не менѣе онъ считалъ вполнѣ удобнымъ отлично приспособленную аудиторію радушно предлагать для народныхъ чтеній.

Паралельно съ украшеніемъ стѣнъ, въ эти два года нужно было озаботиться и собираніемъ коллекцій въ пустыя залы Музея. Въ данномъ случаѣ графъ съ особенной силой проявилъ свою энергію, безъ которой едва ли было бы возможно выполнить эту задачу въ такой короткій срокъ.

Прежде всего графъ старался о пріобрѣтеніи такихъ памятниковъ, которые своей характерностью и опредѣленной датой

82-мъ г. я былъ командированъ вновь въ Смоленскую губернію вмѣстѣ съ г. Соколовымъ; въ 83-мъ году ѣздилъ туда же для раскопокъ съ графомъ.

Впрочемъ, этотъ планъ не исключалъ пока раскопокъ и другаго характера, интересныхъ для полноты коллекцій Музея; въ томъ же 82-мъ году, весной, я производилъ раскопки за Кубанью, а Байерну и Цилюксани поручено было произвести раскопки въ Закавказьи.

Въ послѣднее время, предъ отъѣздомъ за границу, графъ былъ занятъ устройствомъ и водвореніемъ Антропологическаго кабинета Московскаго университета въ зданіи Историческаго Музея. По предложенію А. П. Богданова графъ отдалъ кабинету отдѣльное приличное помѣщеніе, но собственно археологическія коллекціи кабинета присоединились къ коллекціямъ Музея и значительно ихъ пополнили.

Съ самаго начала 1883 года, чѣмъ болѣе приближалось время Коронаціи, тѣмъ болѣе замѣчалось въ Музеѣ оживленія и дѣятельности: съ одного воксала подвозились огромные ящики со слѣпками христіанскихъ саркофаговъ изъ Италіи; съ воксала другой желѣзной дороги привозились съ Кавказа массивныя каменныя изваянія; между прочимъ, двѣ рѣдкія каменныя фигуры были доставлены изъ такихъ горныхъ мѣстъ Кубанской Области, куда мнѣ и верхомъ не удалось добраться.

Болѣе 20 «каменныхъ бабъ», пріобрѣтенныхъ г. Кельсіевымъ, были доставлены изъ Придонскихъ и Екатеринославскихъ степей. Кромѣ того, въ это время получались ящики изъ Херсона, Керчи, Петербурга.

Всѣ эти вещи быстро распаковывались и тотчасъ устанавливались на мѣста подъ личнымъ надзоромъ графа.

Но не нужно думать, что графъ по работамъ въ Музеѣ ограничивался только ролью распорядителя,—его дѣятельность для Музея была крайне разнообразна: у себя дома онъ, нерѣдко съ архитекторомъ Поповымъ, просиживалъ по нѣскольку часовъ (иногда съ 11 до 5), занимаясь обсужденіемъ и выборомъ памятниковъ для орнаментаціи залъ; въ складѣ музейскихъ коллекцій онъ самъ подбиралъ въ систему и приготовлялъ для нашивки орудія каменнаго вѣка. Съ любовью археолога онъ вообще самъ любилъ развертывать и

му и художественному интересу сама по себѣ представляетъ цѣлый музей; особенно замѣчательны коллекціи древнихъ монетъ—Босфорскихъ, Пантикапейскихъ и многихъ сосѣднихъ греческихъ колоній. Однимъ словомъ, пріобрѣтеніемъ этой богатой коллекціи Музей надолго обезпечилъ себя относительно матеріала для изученія древней жизни на побережьи Чернаго моря.

Лѣто 1881 года отличалось особеннымъ оживленіемъ относительно командировокъ разныхъ лицъ на раскопки. Такъ, А. И. Кельсіевъ отправился въ Воронежкую губернію, землю Войска Донскаго и Екатеринославскую губернію; Л. К. Ивановскій производилъ раскопки въ Ярославской губерніи; В. Б. Антоновичъ въ Кіевской и Черниговской губерніяхъ; мнѣ же поручено было произвести раскопки въ Смоленской губерніи. Съ благодарностью вспоминаю, какъ графъ меня, какъ новичка, напутствовалъ своими совѣтами, какъ находилъ время отвѣчать подробно на мои сомнѣнія, при чемъ старался ободрить меня на первыхъ шагахъ моей работы, и въ то же время усердно слѣдилъ по картѣ за моими передвиженіями по уѣздамъ Смоленской губерніи.

Увеличеніе коллекцій посредствомъ раскопокъ имѣло ту выгоду, что вещи добывались изъ намѣченной, наиболѣе интересной для Музея мѣстности, а самыя раскопки при этомъ, помимо вещей, доставляли новые археологическіе факты.

Самый же выборъ мѣстности зависѣлъ отъ того плана, которымъ графъ желалъ руководиться и въ будущихъ раскопкахъ для Музея: раскопки должны были начинаться въ тѣхъ центрахъ, гдѣ, по нашимъ лѣтописямъ, древнѣйшими насельниками были Славяне; затѣмъ, удаляясь отъ центра къ окраинамъ избранныхъ областей, эти раскопки могли обнаружить новые, чужіе, обряды погребенія; тогда явилась бы возможность обозначить этими раскопками этнографическую или хронологическую границу, а вмѣстѣ съ тѣмъ можно было бы выяснить и основной обрядъ славянскаго погребенія для данной мѣстности. Послѣдняя цѣль, какъ извѣстно, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ курганныхъ раскопокъ.

Такого рода планъ раскопокъ графъ и желалъ приводить въ исполненіе относительно Смоленской губерніи; такъ въ

Вскорѣ послѣ освященія Музея, чувствуя потребность отдыха послѣ усиленныхъ трудовъ и волненій, графъ уѣхалъ въ свое имѣніе—въ Порѣчье. Еще въ августѣ мѣсяцѣ онъ ѣздилъ со мной на раскопки въ Смоленскъ, надѣясь, что раскопки укрѣпятъ его силы, но, къ несчастію, силы графа были сильно надломлены, и ему пришлось серьезно подумать о своемъ здоровьи, для поправленія котораго необходимо было полное душевное спокойствіе. Ради этого спокойствія онъ рѣшился отрѣшиться на время отъ всѣхъ музейскихъ дѣлъ, для чего и взялъ заграничный отпускъ.

Между тѣмъ наступала суровая осень, а графа влекло «къ солнцу», «къ теплу», и онъ уже больной уѣхалъ въ Италію.

Но не смотря на это солнце, на это тепло Италіи, графу не удалось оторвать своего сердца отъ Музея.

Такъ, въ Римѣ онъ проводилъ многіе часы въ студіи Бронникова, слѣдя съ живымъ интересомъ за выработкой эскизовъ для картинъ, заказанныхъ художнику Музеемъ. О пользѣ указаній и совѣтовъ графа Бронниковъ упоминаетъ съ благодарностію въ письмахъ ко мнѣ. Тамъ же, въ Римѣ, графъ посѣщалъ и студію Семирадскаго, гдѣ художникъ работалъ уже надъ второй картиной для Музея: «Ночная тризна воиновъ Святослава».

На островѣ Капри вся прелесть южной весны ему не мѣшала думать объ изваяніи Святовида, о лѣстницахъ, полахъ Музея, и онъ писалъ ко мнѣ подробно, гдѣ установить полученный уже послѣ его отъѣзда этотъ слѣпокъ Святовида. «Оконченъ ли полъ въ сѣняхъ и хорошо ли исполненъ рисунокъ?» «Какой эффектъ производятъ полъ и боковыя лѣстницы Музея?» И много подобныхъ вопросовъ неслись ко мнѣ съ острова Капри, и графъ просилъ скорыхъ отвѣтовъ.

И въ Москвѣ, уже ослабѣвшій отъ смертельной болѣзни, уже не покидавшій своей залы, графъ не переставалъ интересоваться Музеемъ: то разсматривалъ и обсуждалъ эскизы, присланные Бронниковымъ, то радовался присылкѣ Бурачковымъ въ даръ Музею новой коллекціи древностей.

Силы физическія графа замѣтно слабѣли и угасали... не угасалъ только интересъ къ Археологіи, отличаясь какой-то настойчивой живучестью: спустя дня два послѣ сильнаго болѣзненнаго припадка, графъ уже думалъ объ устройствѣ

сортировать вещи, получаемыя изъ раскопокъ. Въ другіе часы его можно было встрѣтить и въ Синодальной Типографіи, гдѣ часто онъ держалъ корректуру въ гранкахъ печатавшагося тогда Указателя Музея.

Поручивъ стѣнную живопись музейскихъ залъ академику Торопову, графъ, когда дошла очередь до воспроизведенія живописи катакомбъ, заботился о вѣрной передачѣ стиля этой древне-христіанской живописи и для того просилъ г. Торопова эскизы масляными красками для стѣнныхъ изображеній писать въ своей бальной залѣ; здѣсь графъ самъ могъ слѣдить за каждымъ мазкомъ кисти художника.

Въ мастерской г. Жаркова онъ слѣдилъ за ходомъ работъ по изготовленію археологическихъ картъ Россіи.

Переписываясь съ русскимъ посольствомъ въ Константинополѣ о заказѣ копіи со статуи «Добраго Пастыря», съ посольствомъ въ Берлинѣ о заказѣ копій съ портретовъ русскихъ пословъ, графъ въ то же время собиралъ свѣдѣнія въ Мадритѣ о существующихъ тамъ портретахъ русскихъ людей и вмѣстѣ съ тѣмъ велъ дѣятельную переписку съ сибирскими корреспондентами.

Самое время Коронаціи было временемъ лихорадочной работы въ Музеѣ: додѣлывались послѣднія мелочныя работы; напримѣръ, на третій день Коронаціи графъ, даже при участіи графини, въ продолженіе почти цѣлаго дня прикалывалъ рисунки Мартынова къ доскамъ витринъ; въ этотъ день мы всѣ вышли изъ Музея, когда уже догорали послѣдніе шкалики великолѣпной иллюминаціи.

27 мая Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, вмѣстѣ съ Августѣйшимъ Предсѣдателемъ Музея Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ, удостоили Историческій Музей своимъ посѣщеніемъ. Теперь, согласно прежде выраженному желанію Государя Императора, графъ могъ показать десять отдѣланныхъ залъ съ ихъ коллекціями. Государь Императоръ милостиво благодарилъ графа за устройство Музея и выразилъ надежду, что и общество отнесется съ сочувствіемъ къ Историческому Музею.

Чрезъ нѣсколько дней послѣдовало освященіе отдѣланныхъ залъ Музея въ присутствіи Августѣйшаго Предсѣдателя.

Вскорѣ послѣ освященія Музея, чувствуя потребность отдыха послѣ усиленныхъ трудовъ и волненій, графъ уѣхалъ въ свое имѣніе—въ Порѣчье. Еще въ августѣ мѣсяцѣ онъ ѣздилъ со мной на раскопки въ Смоленскъ, надѣясь, что раскопки укрѣпятъ его силы, но, къ несчастію, силы графа были сильно надломлены, и ему пришлось серьезно подумать о своемъ здоровьи, для поправленія котораго необходимо было полное душевное спокойствіе. Ради этого спокойствія онъ рѣшился отрѣшиться на время отъ всѣхъ музейскихъ дѣлъ, для чего и взялъ заграничный отпускъ.

Между тѣмъ наступала суровая осень, а графа влекло «къ солнцу», «къ теплу», и онъ уже больной уѣхалъ въ Италію.

Но не смотря на это солнце, на это тепло Италіи, графу не удалось оторвать своего сердца отъ Музея.

Такъ, въ Римѣ онъ проводилъ многіе часы въ студіи Бронникова, слѣдя съ живымъ интересомъ за выработкой эскизовъ для картинъ, заказанныхъ художнику Музеемъ. О пользѣ указаній и совѣтовъ графа Бронниковъ упоминаетъ съ благодарностію въ письмахъ ко мнѣ. Тамъ же, въ Римѣ, графъ посѣщалъ и студію Семирадскаго, гдѣ художникъ работалъ уже надъ второй картиной для Музея: «Ночная тризна воиновъ Святослава».

На островѣ Капри вся прелесть южной весны ему не мѣшала думать объ изваяніи Святовида, о лѣстницахъ, полахъ Музея, и онъ писалъ ко мнѣ подробно, гдѣ установить полученный уже послѣ его отъѣзда этотъ слѣпокъ Святовида. «Оконченъ ли полъ въ сѣняхъ и хорошо ли исполненъ рисунокъ?» «Какой эффектъ производятъ полъ и боковыя лѣстницы Музея?» И много подобныхъ вопросовъ неслись ко мнѣ съ острова Капри, и графъ просилъ скорыхъ отвѣтовъ.

И въ Москвѣ, уже ослабѣвшій отъ смертельной болѣзни, уже не покидавшій своей залы, графъ не переставалъ интересоваться Музеемъ: то разсматривалъ и обсуждалъ эскизы, присланные Бронниковымъ, то радовался присылкѣ Бурачковымъ въ даръ Музею новой коллекціи древностей.

Силы физическія графа замѣтно слабѣли и угасали... не угасалъ только интересъ къ Археологіи, отличаясь какой-то настойчивой живучестью: спустя дня два послѣ сильнаго болѣзненнаго припадка, графъ уже думалъ объ устройствѣ

[illegible] съѣзда — онъ просилъ меня помочь [illegible] по этому дѣлу—но графу не суждено [illegible] переписки, какъ не суждено было увидать [illegible] любимаго Музея.

[illegible] любилъ Музей потому, что возлагалъ большія на[illegible] будущее благотворное вліяніе въ дѣлѣ развитія [illegible] самосознанія. Музей представлялся графу въ [illegible] такимъ ученымъ учрежденіемъ, которое сдѣлается [illegible] центральнымъ хранилищемъ памятниковъ родной старины: сюда будутъ стекаться и частныя коллекціи и археологическія находки со всей Россіи. Съ другой стороны [illegible] Музея, какъ изъ центра, будетъ распространяться хорошо организованный надзоръ за охраненіемъ памятниковъ старины по всѣмъ губерніямъ Россіи. Ученый періодическій журналъ при Музеѣ будетъ распространять свѣдѣнія о болѣе интересныхъ памятникахъ, и объясненіями ихъ будетъ поддерживать интересъ въ обществѣ къ своей старинѣ. Собранныя въ Музеѣ коллекціи древностей, соотвѣтствующая его содержанію богатая библіотека, собраніе рукописей—все это вмѣстѣ позволяло графу надѣяться, что Историческій Музей сдѣлается излюбленнымъ мѣстомъ для ученыхъ изслѣдователей русской старины. Но надѣясь привлечь въ Музей ученыя силы, графъ не забывалъ и молодыхъ поколѣній: студенты, окончившіе курсъ словеснаго факультета и желающіе посвятить себя русской исторіи и археологіи, могли бы заниматься въ Музеѣ изученіемъ древней жизни по памятникамъ; для этой цѣли въ Музеѣ предполагалось устроить лекціи. Для бѣдныхъ могли быть учреждены Музеемъ стипендіи. Въ лѣтнее время съ этими молодыми людьми консерваторы Музея могли устраивать экскурсіи для раскопокъ кургановъ. Таковы были его мечты о будущей жизни Музея.

Вѣря въ будущее значеніе Музея, графъ не жалѣлъ трудовъ и энергіи для его устройства. Кромѣ отдѣланныхъ 10 залъ, графомъ оставлены рисунки орнаментацій еще для 30 залъ, большею частью разработанные и уже одобренные ученой коммиссіей. Коллекціи вещей заключаютъ въ себѣ болѣе 15,000 нумеровъ. Музей уже обезпеченъ библіотеками Черткова, князя Голицына, Хмырова и князя Барятинскаго.

И теперь въ этихъ залахъ все такъ живо напоминаетъ

о графѣ, что не хочется и вѣрить въ его смерть для Музея— кажется, что графъ все въ отпуску.....тамъ, гдѣ-то далеко, «въ теплыхъ краяхъ...» Но Музей будетъ безъ сомнѣнія жить и будетъ развиваться по тѣмъ же началамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ будетъ лучшимъ и нагляднымъ памятникомъ, свидѣтельствующимъ предъ современниками и потомками о заслугахъ графа Уварова на пользу научныхъ и образовательныхъ интересовъ нашего общества.

РѢЧЬ

[illegible] ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Л. Д. Мансветова. *)

[illegible] графа А. С. Уварова по византійской археологіи.

Когда уходитъ со сцены выдающійся дѣятель науки, онъ оставляетъ по себѣ широкій и далеко расходящійся слѣдъ, съ которымъ долго и съ большимъ интересомъ приходится обращаться людямъ разныхъ спеціальностей и направленій. Въ дѣятельности такого лица всегда можно указать одну выдающуюся черту, въ которой сосредоточились его лучшія силы, и которую стóитъ разъ представить себѣ, чтобы обрисовался его духовный обликъ. Кому не извѣстно имя графа А. С. Уварова, какъ авторитетнаго изслѣдователя въ области первобытной археологіи Россіи и какъ рѣдкаго знатока древне-русскаго быта и искусства? При этомъ имени невольно поднимается величавый образъ ученаго, посвятившаго всю энергію своей богато одаренной натуры на трудъ [illegible] на разработку путемъ вещественныхъ памятниковъ [illegible] историческаго прошлаго. Но рядомъ съ этою великою натурою, является передъ нами въ лицѣ покойнаго [illegible] дѣятель и по другимъ отраслямъ археологической науки. Правда, здѣсь его работы не такъ видны, [illegible] слово раздавалось рѣже, но все-таки поработано и

*) [illegible] прочитана по болѣзни автора.

сдѣлано такъ много, что невольно изумляешься этому богатству умственной силы, этому широкому кругозору археологическаго знанія.

Я былъ бы счасливъ, еслибы мнѣ удалось освѣтить одинъ изъ такихъ уголковъ въ массѣ разнообразныхъ спеціальностей покойнаго графа и очертить его отношенія къ Византіи. Въ этой области мнѣ всего чаще приходилось пользоваться его указаніями, и благодарная память о нихъ никогда не изгладится въ моемъ сердцѣ.

Работы по византійской археологіи не были предметомъ самостоятельныхъ занятій графа и не входили въ кругъ его спеціальныхъ изслѣдованій, но ему очень часто приходилось имѣть дѣло съ этою отраслью памятниковъ и пользоваться ими при изученіи древне-русской археологіи. Графъ былъ далекъ отъ того увлеченія Византіею, въ которое впадаютъ нѣкоторые изъ ея спеціальныхъ изслѣдователей, готовыхъ видѣть въ этой странѣ и ея формахъ чуть ли не прототипъ древне-русской жизни и памятниковъ. Многосторонній взглядъ графа и его широкій историческій кругозоръ не допускали подобнаго отношенія къ дѣлу. Византія была для него извѣстною эпохою, выраженіемъ извѣстныхъ художественныхъ идей, не отдѣлимыхъ отъ общаго хода исторической жизни, и стояла въ тѣсной связи съ предшествующими и позднѣйшими культурными теченіями. Древне-христіанское искуство уже носило въ себѣ зародыши позднѣйшаго византизма, заладъ въ романскій періодъ былъ въ извѣстной мѣрѣ византійскимъ, и архитектурные памятники Кіевско-Суздальской Руси отмѣчены тѣмъ же отпечаткомъ. Но это византійское вліяніе не подавляло самостоятельнаго развитія мѣстной жизни и свободныхъ проявленій народнаго духа, не было внѣшнимъ механическимъ копирователемъ съ чужихъ образцовъ, а стояло въ связи съ духомъ эпохи и нейтрализовалось условіями мѣстной культуры. Поэтому, во многихъ работахъ графа по вопросамъ древне-христіанскаго, русскаго и даже западнаго искуства, Византія является однимъ изъ крупныхъ источниковъ, которымъ онъ пользовался болѣе ими менѣе, смотря по свойству дѣла.

Чтобы нагляднѣе уяснить это отношеніе къ Византіи, возьмемъ болѣе извѣстные труды графа и по нимъ опредѣлимъ,

какъ пользовался онъ византійскимъ матеріаломъ и какое придавалъ ему значеніе. При раскопкѣ Мерянскихъ могилъ, въ нихъ нерѣдко попадались остатки шолковыхъ тканей, обшитыхъ позументомъ, монеты, крестики и предметы наряда. Опредѣливъ характеръ этихъ издѣлій, какъ продуктовъ византійскаго мастерства, графъ обращается къ сравненію ихъ съ сохранившимися предметами византійской промышленности, приводитъ мѣста изъ византійскихъ писателей, цитируетъ Вейса, Бока, и весь этотъ экскурсъ заканчиваетъ этюдомъ о сношеніи Мерянъ съ Византіею. Или вотъ изслѣдованіе графа о суздальскомъ оплечьи, снимокъ съ котораго украшаетъ юбилейное изданіе нашего Общества. Это великолѣпное украшеніе древне-русскаго княжескаго наряда, съ перваго же взгляда, обнаружило очевидные признаки византійской работы и повело къ цѣлому ряду справокъ относительно византійскихъ дробницъ, бусъ, орнамента крестовъ и къ обширнымъ извлеченіямъ изъ византійскихъ писателей о наплечникѣ или лорѣ. Кромѣ Сабатье, Дюканжа, Вейса, передъ читателемъ проходитъ значительное число византійскихъ иллюстрированныхъ рукописей, изъ которыхъ нѣкоторыя были извѣстны автору не въ снимкахъ, а по подлинникамъ. Я не боюсь преувеличить, если скажу, что въ этой замѣчательной статьѣ, мы имѣемъ полный и научно подобранный матеріалъ для изученія одной изъ характерныхъ принадлежностей придворнаго византійскаго костюма. Припомнимъ его «Разысканія о славяно-византійскихъ монетахъ», помѣщенныя въ IV т. Извѣстій И. Р. Арх. Общества, чтобъ убѣдиться, какъ рано была сознана нашимъ ученымъ необходимость въ изученіи византійской иконографіи, и какъ широко онъ пользовался этимъ, мало еще открытымъ, источникомъ археологіи. Въ самомъ дѣлѣ, выяснить символику византійскаго голубя и опредѣлить способъ его изображенія на монетахъ и миніатюрахъ—это трудъ, для котораго требовалось не только обширное знаніе византійской иконографіи и символики, но и широкая, обобщающая работа мысли, рядомъ съ тонкимъ художественнымъ пониманіемъ пріемовъ и задачъ византійской живописи. Научная связь съ Византіею началась у графа съ первыхъ шаговъ его ученой карьеры и непрерывно поддерживалась во все продолженіе его научнаго поприща. Уже

въ 1853 г. раскопки графа на мѣстѣ древняго Херсонеса увѣнчались величайшимъ успѣхомъ, благодаря открытію фундамента и многихъ прекрасно сохранившихся деталей херсонесской базилики. Это открытіе было не только пріобрѣтеніемъ для исторіи древняго Корсуня, но и подарило науку новымъ памятникомъ византійской архитектуры. Понятно, что это открытіе возбудило величайшій интересъ въ ученомъ мірѣ, а описаніе Херсонесскаго храма, въ отчетѣ Археологической коммиссіи, получило значеніе руководящей статьи для занимающихся византійской архитектурою. Кутаисскій соборъ далъ ему случай еще разъ возвратиться къ этому роду изслѣдованій и сообщить въ одномъ изъ засѣданій нашего Общества рядъ мѣткихъ замѣчаній объ этомъ памятникѣ византійскаго зодчества, ровесникѣ нашего Кіево-Софійскаго собора

Во время своего путешествія за границу въ 60 году и продолжительнаго пребыванія въ Италіи, графъ осмотрѣлъ замѣчательные западные музеи и библіотеки, обративъ особенное вниманіе на изученіе драгоцѣнныхъ остатковъ древней миніатюры. Результатомъ его занятій этимъ предметомъ была богатая коллекція великолѣпно исполненныхъ снимковъ византійскихъ миніатюръ. Эти снимки, представляя точное факсимиле оригиналовъ, знакомятъ не только съ деталями и характеромъ рисунка, но и воспроизводятъ особенности палеографической физіономіи подлинника. Поле византійской археологіи такъ широко и имѣетъ еще такъ немного дѣятелей, что всякая попытка къ ознакомленію съ этимъ матеріаломъ и къ выясненію связи между нимъ и соотвѣтствующими явленіями древне-русской жизни составляетъ трудъ большой важности и въ настоящее время. Что же сказать о подобномъ предпріятіи тридцать лѣтъ тому назадъ, когда графъ выступилъ съ своими первыми работами и заставилъ Византію говорить языкомъ ея памятниковъ? По основаніи Археологическаго Общества, графъ гостепріимно открывалъ свои двери всѣмъ занимавшимся этою отраслью древностей, и поощрялъ ихъ къ занятіямъ, помогая своими указаніями и снабжая пособіями своего богатаго книгохранилища. Мы всѣ были свидѣтелями того вниманія, съ которымъ нашъ предсѣдатель слѣдилъ за сообщеніями по византійскимъ древностямъ, принималъ живое участіе

въ обсужденіи рефератовъ и своимъ авторитетнымъ словомъ направлялъ на вѣрный путь рѣшеніе спорныхъ вопросовъ. Все лучшее, что только выходило по этой части, раньше чѣмъ гдѣ-либо, появлялось въ кабинетѣ графа и интерпретировалось имъ въ засѣданіяхъ Общества. А потому, когда заходилъ вопросъ о византійскомъ орнаментѣ, нужно было выяснить какую нибудь византійскую архитектурную деталь или принадлежность костюма, графъ являлся въ полномъ обладаніи византійскимъ художественнымъ матеріаломъ и легко указывалъ искомое рѣшеніе въ изданіяхъ Дюканжа, Зальценберга, Тексье, Лабарта, Пюлгера и др. Намъ всѣмъ хорошо памятна обширная эрудиція графа въ этой области по его трудамъ въ устройствѣ Русскаго Историческаго Музея.

Не мало потрудился графъ для византійской археологіи и на страницахъ изданій нашего Общества, въ отдѣлѣ археологическаго словаря. Преслѣдуя главнымъ образомъ задачи древне-русскаго быта и искусства, онъ находилъ время заниматься и византійскими древностями, разъясняя византійскій археологическій языкъ, особенно въ тѣхъ его выраженіяхъ, которыя имѣютъ отношеніе къ нашему искусству и вошли въ наши письменные памятники. Иногда эти объясненія состояли изъ короткихъ замѣтокъ относительно ближайшаго значенія объясняемаго слова, но иногда разрастались въ спеціальный археологическій экскурсъ, для обработки котораго требовались уже справки съ византійскими писателями, близкое знакомство съ работами византинологовъ и съ параллельными мѣстами изъ источниковъ славянскихъ. Таковы напр. объясненія: «потиръ, божница, сіоны» и рядъ замѣтокъ по поводу словъ: «акакіа, катапетасма, кандія» и др. Благодаря совмѣстному пользованію источниками византійскими и русскими, объясненія графа имѣли то особенное преимущество, что разъясняли не только техническую сторону византійскаго археологическаго языка, бытовыя и художественныя понятія византійцевъ, но и бросали свѣтъ на соотвѣтствующія явленія древне-русской жизни и искусства.

Мои наброски, конечно, далеко не исчерпываютъ того, что было сдѣлано покойнымъ графомъ по части Византіи и стоятъ далеко ниже того уровня, до котораго поднималось его научное отношеніе къ этому предмету. Его непосред-

ственное знакомство съ самими памятниками византійскаго искусства и обширная начитанность въ этомъ родѣ литературы, мнѣ кажется, не успѣли выказать себя въ полной силѣ, благодаря преобладающему направленію ученой дѣятельности графа и его тяготѣнію къ занятіямъ русскою археологіею. Намъ, членамъ М. Арх. Общества, конечно, хорошо памятно то засѣданіе, на которомъ происходило обсужденіе программы чтеній по Византіи. Графъ, для котораго осуществленіе подобнаго предпріятія было завѣтною мечтою, съ полною готовностію взялся составить программу лекцій по Византіи, и къ ближайшему засѣданію она уже была готова. Правда, эта программа оказалась намъ не подъ силу, и ее приходилось во многомъ урѣзывать, но за то она обнаружила блестящимъ образомъ широкій историческій кругозоръ составителя и рѣдкое умѣнье обнять въ цѣльномъ историческомъ очеркѣ художественную жизнь средневѣковой Греціи. Исходнымъ пунктомъ византійскаго искуства было здѣсь принято историческое положеніе Византіи, какъ столицы Восточной имперіи, и ея отношеніе къ культурѣ классической и восточной. Дальнѣйшимъ факторомъ являются общественная и церковная жизнь Византіи, ея бытъ, культура, характеръ тогдашней философской мысли, ереси и расколы богословской литературы, въ ея различныхъ направленіяхъ, иконоборство, отношенія къ Западу, и какъ результатъ всѣхъ этихъ условій—судьба главныхъ и второстепенныхъ отраслей искусства, ихъ художественная и техническая сторона.

Дай Богъ, чтобъ эта программа нашла себѣ оправданіе въ дѣятельности нашего Общества, и чтобы свѣтлый образъ почившаго возбуждалъ насъ къ совмѣстнымъ трудамъ на разныхъ поприщахъ археологической науки, такъ счастливо объединившихся въ его богато-одаренной натурѣ.

ТЕЛЕГРАММА

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

ПОЛУЧЕННАЯ И ПРОЧИТАННАЯ ВЪ ЗАСѢДАНІИ 28 ФЕВРАЛЯ.

Императорское Русское Археологическое Общество, присоединяясь къ сегодняшнему чествованію памяти своего члена-основателя графа А. С. Уварова, постановило единогласно, во вчерашнемъ засѣданіи, учредить медаль имени графа для награжденія ею періодически лучшихъ трудовъ по отечественной археологіи.

Секретарь Помяловскій.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ТЯЖЕЛАЯ УТРАТА.

(По поводу кончины графа Алексѣя Сергѣевича Уварова).

К. Н. Бестужева-Рюмина.

много на свѣтѣ людей, для которыхъ наука—главная , преобладающая радость и печаль жизни; немного людей, рые всю жизнь свою, всю душу отдаютъ наукѣ и ея на-енію въ родной землѣ...

много такихъ людей вообще: еще менѣе ихъ среди людей ыхъ, обезпеченыхъ, которымъ даже матеріальныя по-вованія, даже интересъ къ чужимъ трудамъ, ставятся ажную заслугу. Чѣмъ меньше такихъ людей, тѣмъ болѣе ны быть они дороги той землѣ, которой выпала счастли-доля считать такого человѣка въ числѣ своихъ гражданъ. це недавно былъ между нами такой человѣкъ, а теперь нѣтъ его! Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ скончался декабря 1884 года, едва достигнувъ 60 лѣтъ. Сынъ енитаго министра просвѣщенія, внукъ Разумовскаго—ъ Алексѣй Сергѣевичъ долженъ былъ бы занять ое мѣсто въ администраціи; но не туда устремлены были кусы и желанія. Свое обширное и основательное обра-ніе онъ направилъ къ чисто научнымъ цѣлямъ: служа Неаполѣ при посольствѣ, онъ изучаетъ древности, изу-ь рукописи Ватиканскія; служа при графѣ Перовскомъ,

онъ дѣлаетъ первыя раскопки, и на берегахъ Чернаго моря, и въ дѣвственной еще для археологовъ почвѣ Средней Россіи. Плодами этихъ работъ являются два замѣчательныя сочиненія: «Изслѣдованіе о древностяхъ Южной Россіи» и «Меряне»; тогда же онъ открываетъ мѣсто погребенія Пожарскаго. Въ 1846 г. мы видѣли его въ числѣ основателей и самыхъ усердныхъ дѣятелей петербургскаго Археологическаго Общества (черезъ годъ послѣ окончанія курса въ университетѣ). Въ 1858 г. онъ ищетъ мѣсто профессора русской исторіи; но А. С. Норовъ предлагаетъ ему должность помощника попечителя. Здѣсь графъ Уваровъ остается не долго и послѣ брака своего (1859) проводитъ годъ за границею; а затѣмъ посвящаетъ себя дѣятельности общественной по званію уѣзднаго предводителя дворянства, и съ открытія земскихъ учрежденій принимаетъ участіе и въ нихъ.

Въ 1864 г. онъ основываетъ Московское Археологическое Общество и является душею всѣхъ его предпріятій: отыскиваетъ людей, находитъ имъ занятія, ходатайствуетъ о пособіяхъ, добивается передачи Обществу дома, нѣкогда принадлежавшаго Малютѣ Скуратову, жертвуетъ и деньгами, и трудомъ. Рѣдки такіе предсѣдатели ученыхъ обществъ! Въ послѣдніе годы усилилась и его литературная дѣятельность: всѣмъ извѣстна его «Археологія Россіи», обнимающая собою каменный вѣкъ. «Бронзовый», къ сожалѣнію, не написанъ. Есть еще трудъ, которому покойный посвятилъ много лѣтъ и который намѣренъ былъ скоро издать. Это «Христіанская символика». Трудъ этотъ долженъ внести много новаго не въ одну русскую, бѣдную еще, литературу по исторіи искусства. Съ 1869 г. начинается, по его мысли, рядъ Археологическихъ съѣздовъ (московскій, с.-петербургскій, кіевскій, казанскій, тифлисскій, одесскій). Во всѣхъ (за исключеніемъ послѣдняго) онъ является главнымъ дѣятелемъ и предварительнаго комитета, и самаго съѣзда. Надо было видѣть его на съѣздахъ, чтобы понять, какого труда ему стоила ихъ организація; а блистательные результаты свидѣтельствуютъ о томъ, что труды были не напрасны. Не участвуя въ приготовленіяхъ одесскаго съѣзда, гр. Алексѣй Сергѣевичъ съ удовольствіемъ говорилъ, что дѣло уже стоитъ на своихъ

ногахъ стоитъ оно, благодаря его неусыпнымъ трудамъ. Мысль объ Историческомъ Музеѣ тоже принадлежитъ ему; въ заботахъ о Музеѣ онъ много повредилъ своему здоровью. Будетъ ли Музей такимъ, какимъ онъ начатъ? найдется ли преемникъ гр. Уварову?—вотъ скорбные вопросы, которые стоятъ передъ каждымъ искренно любящимъ русскую науку. Въ настоящее время, едва ли. Труды по Музею сломили его здоровье и прошлою зимою, въ Римѣ, онъ былъ не похожъ на самаго себя, а въ одесскомъ съѣздѣ онъ уже участвовалъ почти только какъ зритель. Угасъ онъ слишкомъ рано: такой человѣкъ очень былъ нуженъ. Я говорю не о семьянинѣ, хотя не многимъ удастся такъ устроить свой семейный бытъ; не о членѣ общества, хотя это изящное соединеніе качествъ свѣтскаго человѣка съ высокимъ образованіемъ и широкимъ умомъ—явленіе нечастое и въ болѣе развитыхъ обществахъ: я говорю о дѣятелѣ общественномъ и научномъ. Въ этомъ отношеніи онъ незамѣнимъ. Дай Богъ, чтобы его примѣръ,—примѣръ человѣка, глубоко преданнаго и своей землѣ и умственнымъ интересамъ,—человѣка, умѣвшаго соединить высокое образованіе съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ, вызвалъ бы подражателей.

И еще разъ скажу въ заключеніе: благо тому народу, который не только можетъ выставить такихъ людей, но еще и умѣетъ цѣнить ихъ. Умѣемъ ли мы?

ПАМЯТИ ГРАФА А. С. УВАРОВА

† 29-ГО ДЕКАБРЯ 1884 Г.

Н. Ф. Фонъ-Крузе.

1884-й годъ окончился для нашего общества глубокою печалью. 29-го декабря скончался гр. А. С. Уваровъ. Роковая судьба унесла еще одного выдающагося дѣятеля, унесла преждевременно и незамѣнимо. Огромная, горькая утрата для всей Россіи.

Я сказалъ сейчасъ слово—незамѣнимо не потому, чтобы я думалъ, что въ Россіи нѣтъ людей. Напротивъ, я принадлежу къ числу тѣхъ многихъ или немногихъ, имѣющихъ смѣлость утверждать, что въ Россіи есть дѣятели, которые ожидаютъ только своего призыва на гражданскіе труды и подвиги. Но утрата, понесенная нами въ лицѣ гр. Уварова, незамѣнима на томъ основаніи, что онъ обладалъ въ себѣ такою счастливою совокупностію данныхъ, какой вновь подыскать или создать не такъ-то легко и скоро возможно. Для этого требуются многія, многія и многія условія, которыхъ мы пока не имѣемъ въ нашемъ отечествѣ и о которыхъ здѣсь говорить не мѣсто.

По своему имени и общественному положенію, по своему блестящему воспитанію, серьезному и солидному образованію, по своему значительному состоянію гр. Уваровъ имѣлъ возможность и право претендовать на высокое положеніе въ государствѣ. И онъ несомнѣнно пріобрѣлъ бы такое положеніе,

если-бы захотѣлъ примириться со многимъ и многими. Но онъ не пошелъ на это.; онъ былъ слишкомъ гордъ по характеру, онъ былъ человѣкъ мнѣній самостоятельныхъ и независимыхъ; у него на первомъ планѣ стояли свои убѣжденія. Онъ не пошелъ ни на какой компромисъ съ своею совѣстью и предпочелъ удалиться въ мирную, спокойную и свободную область науки, которой отдавалъ всѣ свои досуги, свои значительныя средства, наконецъ, отдалъ свою жизнь.

Такъ, мы знаемъ гр. Уварова съ первой молодости совершающимъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи многочисленныя археологическія раскопки и изысканія, которыя онъ продолжаетъ и впослѣдствіи, и описанія которыхъ онъ издалъ въ роскошныхъ и цѣнныхъ изданіяхъ. Его изслѣдованія по разнымъ предметамъ и вопросамъ отечественной исторіи внесли новый свѣтъ въ нашу науку; а изслѣдованія о древнѣйшихъ обитателяхъ Россіи (Меряне) удостоены большой золотой медали отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества (въ С.-Петербургѣ). Наконецъ, его послѣдній капитальный трудъ—«Археологія Россіи»—составляетъ цѣнный и первый въ этомъ родѣ научный вкладъ въ русскую историческую литературу.

Кромѣ собственныхъ личныхъ трудовъ на отечественное просвѣщеніе, гр. Уваровъ умѣлъ вызывать, возбуждать и поощрять и въ другихъ ту же дѣятельность всѣми своими силами и средствами. Онъ учредилъ извѣстную академическую премію, носящую его имя; онъ жертвовалъ деньги на раскопки, изслѣдованія и на различныя ученыя изданія. Онъ создалъ Московское Археологическое Общество и руководилъ его обильною дѣятельностію; онъ вызвалъ первые въ Россіи археологическіе съѣзды и былъ ихъ душею. Его имя и труды извѣстны были далеко за предѣлами отечества и пользовались тамъ заслуженнымъ уваженіемъ, такъ что на его зовъ стекались изъ всѣхъ концовъ міра авторитетные ученые и изслѣдователи на организованные имъ съѣзды. Я часто и много видѣлъ его за границей; мнѣ хорошо извѣстно, какъ онъ вездѣ все изучалъ, отыскивалъ и пріобрѣталъ, какъ ему вездѣ оказывали всевозможное содѣйствіе. Изъ нѣкоторыхъ личныхъ моихъ отношеній мнѣ близко извѣстно, какъ высоко цѣнили гр. Уварова такіе, между прочимъ, люди, какъ покой-

ный французскій археологъ Дидронъ и берлинскій проф. Вирховъ.

Библіотека гр. Уварова, его археологическія, нумизматическія и художественныя коллекціи составляютъ самыя богатыя частныя сокровища въ Россіи. И всѣ эти драгоцѣнныя собранія всегда были доступны и открыты къ услугамъ всѣхъ, желавшихъ посвятить себя наукѣ и искусству и обращавшихся къ его просвѣщенному содѣйствію. Съ какою радостію онъ шелъ всегда къ нимъ навстрѣчу, и сколько ученыхъ и художниковъ работали подъ его руководствомъ, сколько пользовались его рукописями, гравюрами, книгами, его Альдами и Эльзевирами и т. п. Его Порѣчье есть цѣнный музей, единственный на всемъ пространствѣ Россіи по своему богатству, разнообразію и выбору,—музей, который извѣстенъ всѣмъ цѣнителямъ и знатокамъ и который посѣщался всѣми поклонниками культуры и просвѣщенія.

Правда, гр. Уварову многое досталось отъ его отца, знаменитаго въ лѣтописяхъ нашего просвѣщенія министра, но онъ не только все сохранилъ бережно, но настолько значительно пополнилъ и умножилъ, что полученное имъ составляетъ небольшую долю оставленнаго.

Послѣднимъ трудомъ гр. Уварова на насажденіе отечественнаго просвѣщенія было устройство новаго Историческаго Музея въ Москвѣ, порученнаго руководству его испытанныхъ опытности и знанія. Это былъ по истинѣ подвигъ, всѣ трудности котораго могутъ быть поняты только тѣми, кто близко знакомъ съ условіями и обстоятельствами нашей жизни, какъ прошедшей, такъ и настоящей. Бѣдность нашей культуры, незначительность нашихъ историческихъ памятниковъ, разбросанность ихъ по громадному пространству и т. д. и т. д. требовали непомѣрныхъ усилій, безграничной любви къ дѣлу, чтобы создать учрежденіе, задуманное столь широко и грандіозно по идеѣ, при столь скудныхъ средствахъ. И что же? Благодаря своей энергіи, своей неутомимой дѣятельности, благодаря общественному уваженію и довѣрію къ его личности и его заслугамъ, онъ успѣлъ, въ два года неимовѣрныхъ заботъ и хлопотъ, исполнить свою задачу настолько, что къ веснѣ 1883 года у него уже были готовы десять залъ Музея, расположенныхъ въ строго-историческомъ

и систематическомъ порядкѣ, съ подробнымъ отпечатаннымъ каталогомъ всѣхъ предметовъ, собранныхъ со всѣхъ концовъ Россіи его усиліями, не всѣмъ извѣстными. Этотъ Музей былъ вѣнцомъ его дѣятельности на пользу государства; но, увы! въ этомъ же вѣнцѣ онъ нашелъ и свои терніи.

Приговоренный врачами, умирающій, онъ все еще занимался своимъ Музеемъ и говорилъ о немъ. Онъ показывалъ мнѣ разные снимки и фотографіи и объяснялъ каталогъ. Въ послѣдніе свои дни онъ еще хлопоталъ надъ приготовленіями къ седьмому археологическому съѣзду и составленіемъ его программъ.

Часто въ моихъ съ нимъ бесѣдахъ я выражалъ ему мои сомнѣнія относительно исполнимости устройства Историческаго Музея, но онъ увлекался этой заманчивой идеей, какъ увлекается любовникъ своей возлюбленной красавицей, какъ увлекается художникъ своей идеальной мечтой. Сознавая всѣ трудности своей задачи, онъ вѣрилъ, однакоже, въ возможность осуществленія ея, вѣрилъ въ свои силы, какъ вѣрилъ въ будущность Россіи, для которой всю жизнь свою работалъ. Увы!...

Уже разстроенное здоровье постоянно напряженными усиліями и различными столкновеніями вдругъ подломило сильный организмъ его, и онъ долженъ былъ уѣхать въ теплый климатъ для освѣженія своихъ силъ. Тамъ открылась та роковая болѣзнь сердца, которая свела его въ могилу. Прощаясь со мной передъ своимъ отъѣздомъ, осенью 1883 года, онъ съ печалью говорилъ мнѣ о тяжелой для него необходимости оставить свои труды не доведенными до желаннаго окончанія, и я ясно понялъ, что его вѣра и надежда были уже поколеблены.

Таковъ покойный гр. А. С. Уваровъ въ его умственной и просвѣтительной дѣятельности. Но въ немъ была еще и другая сторона, не менѣе для насъ выдающаяся и дорогая— его нравственный характеръ.

Слишкомъ тридцатилѣтняя дружба связывала меня тѣсно съ покойнымъ,—дружба, которая подвергалась не разъ испытаніямъ и которая никогда, однако, не измѣнялась. Мы пережили съ нимъ вмѣстѣ самые радостные дни жизни и прошли черезъ всю горечь ея. Сверхъ того, я находился съ

нимъ въ теченіи нѣкотораго времени и въ служебныхъ отношеніяхъ. Слѣдовательно, я знаю его близко и съ различныхъ сторонъ; я пріобрѣлъ право говорить о немъ во всеуслышаніе и съ нѣкоторымъ авторитетомъ.

Гр. Уваровъ былъ человѣкъ, что называется, цѣльный. Онъ имѣлъ опредѣленныя нравственныя убѣжденія и твердыя, стойкія правила, отъ которыхъ онъ никогда не отступалъ ни на іоту и которыми онъ никогда не жертвовалъ. Онъ преданъ былъ выше всего правдѣ и никогда ей не измѣнилъ; его слово и дѣло никогда не расходились въ жизни. Строгій къ самому себѣ, онъ былъ строгъ и къ другимъ. Самъ добросовѣстный труженикъ, онъ не любилъ пустоты и безсодержательности; всегда правдивый и открытый, онъ не терпѣлъ лицемѣрія, лжи и интриги, не переносилъ хвастовства и претензіи, не допускалъ эксплоатаціи ни въ какомъ видѣ. Если онъ открывалъ, что былъ обманутъ въ своемъ довѣріи, онъ тотчасъ разрывалъ свои отношенія и навсегда. Такія строгія черты характера не пріобрѣли ему многочисленныхъ друзей, за то всѣ уважали его невольно—други и недруги.

О немъ говорили, что онъ гордъ и недоступенъ, что онъ честолюбивъ и самолюбивъ. Вотъ весь упрекъ, который бросали ему люди, его незнавшіе, или имъ недовольные. Да, онъ былъ гордъ, но въ томъ смыслѣ, что сознавалъ свое человѣческое достоинство и ни передъ кѣмъ не унижалъ его, что нравственно онъ былъ чистъ и безупреченъ. Но никогда онъ не былъ надмѣненъ; напротивъ, простъ и обходителенъ со всѣми, ровенъ и предупредителенъ съ каждымъ и никому не давалъ чувствовать, что есть между ними и имъ недоступная разница положеній. Притомъ же онъ былъ слишкомъ хорошо воспитанъ, слишкомъ развитъ и не признавалъ между людьми другой разницы, кромѣ нравственной и умственной. Для людей, близко его знавшихъ, въ его характерѣ была замѣтная черта—скромность и застѣнчивость, что и принималось или истолковывалось часто въ свѣтѣ за гордость и неприступность. Въ его нравѣ вообще была милая веселость и непринужденность, въ манерахъ и тонѣ необыкновенная порядочность, что придавало въ интимныхъ съ нимъ отношеніяхъ извѣстную прелесть и привлекательность. Душой онъ былъ добръ, нѣженъ и деликатенъ. Какъ онъ умѣлъ

дѣлить горе и радости! Какъ онъ умѣлъ дѣлать добро вокругъ себя, и сколько бѣдныхъ и нуждающихся обязаны его щедротамъ, которыя всегда оставались его тайной! Какъ онъ любилъ молодежь и какъ онъ ей сочувствовалъ въ ея благородныхъ порывахъ и увлеченіяхъ, никогда не забывая, что онъ самъ былъ прежде молодъ, и свято храня молодость своей души!

Честолюбивъ и самолюбивъ! Ну, что же? Пожалуй, онъ былъ честолюбивъ, но въ высшемъ, благородномъ смыслѣ слова. Выше я уже сказалъ, какъ и почему онъ отрекся отъ всякихъ стремленій честолюбія и заключился въ науку. Но кто же изъ насъ, въ восторженныхъ порывахъ ума и сердца, не мечталъ о власти, какъ о широкомъ и могучемъ средствѣ служить престолу и отечеству, вести родину къ благотворнымъ цѣлямъ, къ прогрессу и преуспѣянію, къ высокимъ гражданскимъ идеаламъ. Гдѣ же тутъ преступленіе и въ чемъ тутъ упрекъ? Но гр. Уваровъ никогда не питалъ въ себѣ пошлаго и мелкаго честолюбія, доступнаго только вульгарнымъ душамъ. Онъ не понималъ и не признавалъ стремленія къ власти для власти, для личнаго положенія, для эгоистическихъ цѣлей. Такое честолюбіе было ему недоступно и не коснулось его. Онъ не искалъ ни чиновъ, ни знаковъ отличія и смотрѣлъ на нихъ равнодушно; онъ и не имѣлъ ихъ. Онъ работалъ для дѣла, для общаго блага и тамъ искалъ своихъ наградъ, искалъ въ внутреннемъ сознаніи посильнаго исполненія святого долга. Что же касается самолюбія, то кто же опять изъ сознательныхъ людей, людей производительнаго труда, знающихъ себѣ цѣну, не чувствуетъ оскорбленій невѣжества, зависти и низкихъ интригъ, становящихся имъ поперегъ пути открытаго и цѣлей нравственно-высокихъ? И въ этомъ смыслѣ гр. Уваровъ былъ дѣйствительно самолюбивъ, но самомнѣніенъ онъ никогда не былъ зараженъ.

Здѣсь я не могу не вспомнить одного событія, котораго я былъ свидѣтелемъ и въ которомъ я принялъ нѣкоторое личное участіе. Въ 1858 г., во время одной исторіи въ Московскомъ университетѣ, положеніе, принятое гр. Уваровымъ, было истолковано интригой оскорбительнымъ для него образомъ. Этотъ недостойный доносъ не былъ немедленно устраненъ, какъ бы слѣдовало, проявленіемъ къ нему полнаго

и заслуженнаго довѣрія, и гр. Уваровъ тотчасъ же, не колеблясь ни минуты, подалъ въ отставку, мотивируя ее въ письмѣ, полномъ достоинства, искренности и сознанія своей гордой правоты.

Въ заключеніе мнѣ остается сказать, что гр. Уваровъ былъ человѣкъ семейныхъ преданій, чистоты и непорочности имени. Для него семья была основа и сила общественная и государственная, на которой зиждется гражданственность человѣческая. Его home, семейный очагъ, была святыня неприкосновенная, передъ которой всѣ знавшіе эту внутреннюю жизнь должны остановиться съ благоговѣйнымъ чувствомъ почтенія. Здѣсь остановлюсь и я, не считая себя въ правѣ вводить публичные взоры за эту неприкосновенную черту частной жизни. Я позволилъ себѣ коснуться этой стороны характера покойнаго только для полноты очертанія его личности.

Жизнь гр. Уварова такъ богата содержаніемъ, что я сознаю всю неполноту сказаннаго мной здѣсь. Но предѣлы краткаго воспоминанія не позволяютъ мнѣ распространиться болѣе. Эта завидная задача принадлежитъ его будущему біографу, котораго ожидаетъ обильный и благодарный матеріалъ. Отнынѣ гр. Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ принадлежитъ исторіи, на страницахъ которой свѣтлая личность его займетъ почетное и вполнѣ заслуженное мѣсто.

Прощай, мой незабвенный и вѣчно милый другъ, и на прощанье прими отъ меня эту послѣднюю дань нашей долголѣтней и неизмѣнной дружбы, этотъ святой долгъ предъ тобой и передъ нашимъ обществомъ.

РѢЧЬ

НА МОГИЛѢ ГРАФА АЛЕКСѢЯ СЕРГѢЕВИЧА УВАРОВА,

произнесенная Е. В. Барсовымъ,

секретаремъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Блажени мертвіи, умирающіи о Господѣ.

Подвигъ жизни, всецѣло посвященной служенію наукѣ, какъ святой истинѣ, есть великій нравственный подвигъ. Среди обычныхъ теченій и интересовъ, переживаемыхъ всякимъ человѣкомъ, надъ сознаніемъ истинныхъ служителей науки всегда высится идеалъ истины, который движетъ ихъ стремленіями и трудами и кладетъ свою печать на цѣлую ихъ жизнь. Имъ приходится испытывать такія движенія и волненія въ своихъ сердцахъ, выносить такое напряженіе и такую борьбу, какія невѣдомы людямъ, чуждымъ идеаловъ жизни и живущимъ только для того, чтобы въ удовольствіе пожить. Не въ пустынныхъ только келліяхъ, не на поляхъ только брани совершается нравственная доблесть: жизнь, всецѣло посвященная служенію истинѣ, есть также спасающій подвигъ. Блажени мертвіи, умирающіи о Господѣ!

Избранные служители науки, какъ передовые ея двигатели, какъ носители святой истины, высятся, такъ сказать, на горѣ и хотя медлительно и незамѣтно, но всегда и неизмѣнно отражаютъ свое просвѣтительное дѣйствіе на общественное

сознаніе. Это путеводныя звѣзды во мракѣ ночи; это маяки во взволнованномъ морѣ; это источники воды въ безводной пустынѣ. И горе народамъ, среди которыхъ гаснутъ идеалы жизни и замираетъ подвигъ самоотверженнаго служенія истинѣ!

Достопочтенное собраніе! Давно ли провожали мы въ могилу, одного за другимъ, нашихъ ученыхъ богатырей, знаменитыхъ служителей русской исторической науки? Но вотъ и графъ Уваровъ во гробѣ! И графа Уварова опускаемъ въ могилу. Мечъ Божій видимо носится надъ нами. Посѣкаются богатыри, а равныхъ имъ не видится. О, мечу Божій! Доколѣ будеши сѣщи насъ? Вниди въ ножна твоя, почій и помолчи!

Затѣмъ, къ тебѣ наше слово, почившій о Господѣ собратъ нашъ, незабвенный графъ. Позволь открыть намъ завѣсу смерти, которая смежила твои вѣжды, охладила твое тѣло и прекратила послѣднее біеніе твоего сердца. Вѣруемъ, что духъ твой съ нами и предъ нами. Ты говоришь намъ устами церкви: «О братія и друзи, цѣлуйте меня послѣднимъ цѣлованіемъ, азъ бо отхожду ко Отцу Свѣтовъ». Позволь же намъ въ послѣдній разъ, въ присутствіи твоего тѣла и духа, созерцать твой нравственный образъ и въ живыхъ воспоминаніяхъ почерпнуть силу для достойнаго выполненія завѣтовъ твоей жизни.

Покойный графъ Алексѣй Сергѣевичъ является представителемъ новой историко-археологической эпохи. Подобно государственному канцлеру графу Румянцову, онъ взялъ въ свои руки знамя этой науки, собралъ подъ нимъ свою ученую дружину и пронесъ съ нею историко-археологическій интересъ отъ Москвы до Кіева, отъ Балтійскаго моря до Чернаго и даже простеръ его въ предѣлы Кавказа. Москва съ ея историческими уголками—Суздалемъ, Ярославлемъ и Великимъ Ростовомъ, Петербургъ и Казань, Кіевъ и Тифлисъ были свидѣтелями его археологическихъ походовъ съ собранною имъ ученою дружиной.

Стремленіе къ историческимъ изысканіямъ въ немъ является какъ бы врожденнымъ. Первоначальное его воспитаніе по обычаямъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ было французское; онъ росъ и учился подъ руководствомъ гувернера-француза. Окончивъ затѣмъ курсъ въ Петербургскомъ

университетѣ, онъ довершалъ свое образованіе въ нѣмецкихъ университетахъ. Но ни французъ воспитатель, ни нѣмецкіе университеты не ослабили въ немъ любви къ родинѣ и не отклонили его въ сторону отъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Напротивъ, они какъ будто закалили его въ его чисто русскихъ предрасположеніяхъ.

Знаменитый его отецъ готовилъ его къ наиболѣе блестящему тогда дипломатическому поприщу и опредѣлилъ его на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Не разъ предлагались ему завидныя для другихъ мѣста при разныхъ русскихъ посольствахъ въ западной Европѣ; но юноша-патріотъ отказывался отъ этихъ предложеній, потому что, по собственнымъ его словамъ, ему слишкомъ тяжело было оставить Россію. Все, къ чему склонялось его сердце на этомъ поприщѣ, это было желаніе попасть въ Константинополь, поближе къ славянскимъ землямъ. Но случай не выпалъ, и онъ поспѣшилъ стать на тотъ путь, который открывалъ ему возможность сосредоточить свои силы на изученіи своей родины.

21 года онъ является уже вмѣстѣ съ заслуженными учеными въ числѣ основателей Петербургскаго Нумизматическаго Общества и раздѣляетъ ихъ дѣятельность, участвуя въ ученой экспедиціи на югъ Россіи. Затѣмъ, по порученію правительства, въ разное время онъ производилъ разысканія на берегахъ Сити и двукратно въ Тавридѣ. Въ этотъ періодъ его жизни служебное его положеніе вполнѣ совпадало съ личными его предрасположеніями.

Во время Восточной войны онъ былъ капитаномъ дружины, состоявшей изъ его собственныхъ можайскихъ крестьянъ: онъ былъ тогда свидѣтелемъ патріотическаго подъема народнаго духа, что, безъ сомнѣнія, должно было еще болѣе воздѣйствовать на любовь его къ родной Русской землѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на его страсть къ историко-археологическимъ занятіямъ.

Этотъ нравственный интересъ овладѣвалъ имъ все глубже и глубже; область его ученыхъ задачъ распространялась въ его душѣ все шире и шире. И что затѣмъ не занимало любознательную душу нашего графа? И могильныя находки, и слѣды народныхъ обычаевъ, и старыя времена язычества, и первыя времена христіанства, и древности классическаго мі-

ра, и древности допотопныя. Онъ не щадилъ никакихъ средствъ для собранія сокровищъ русской историко-археологической науки. Собранный имъ музей, состоящій изъ этихъ сокровищъ, не имѣетъ себѣ равнаго въ Россіи, и многія рѣдкости въ настоящее время даже трудно цѣнить на золото и серебро.

Естественно, что и ученые труды графа были столь же разнообразны. Онъ писалъ и о древнихъ символическихъ иконахъ, и о древне-русскомъ зодчествѣ, и о Мерянахъ по курганнымъ раскопкамъ, и о каменномъ вѣкѣ. Въ послѣднее время, по собственнымъ его словамъ, онъ разомъ велъ три капитальные труда, изъ коихъ одинъ представлялъ Исторію христіанской символики.

Въ послѣдніе дни своей жизни онъ выражалъ сожалѣніе, что не описалъ письменныхъ и вещественныхъ сокровищъ своего собранія и завѣщалъ двумъ ученымъ изъ своей дружины заняться этимъ описаніемъ.

Но вотъ наконецъ, освободившись отъ всѣхъ служебныхъ обязанностей, графъ создаетъ Московское Археологическое Общество, подъ покровительствомъ нынѣ царствующаго Государя Императора. Онъ соединяетъ и организуетъ ученыя мѣстныя силы для общаго дѣла. Не великъ былъ первоначальный кружокъ собранія, а изъ постороннихъ посѣтителей были лишь члены его собственной семьи.

Покойный графъ любилъ вспоминать о томъ, какъ зараждалось Московское Археологическое Общество, какъ оно возрастало и развивалось. Мало-по-малу онъ сумѣлъ привлечь къ его дѣятельности самыя разнообразныя силы, разсѣянныя по разнымъ угламъ Русской земли.

Онъ не ограничивается затѣмъ мѣстными силами и составляетъ планъ соединенія всѣхъ ученыхъ наличныхъ силъ для рѣшенія разныхъ ученыхъ вопросовъ русской исторіи и археологіи, и вотъ создаются всероссійскіе археологическіе съѣзды. Нужно ли говорить о томъ, какую службу сослужили эти съѣзды русской исторической наукѣ? Нужно ли замѣчать, что организаторомъ, руководителемъ и душой всѣхъ этихъ съѣздовъ былъ почившій о Господѣ графъ?

Упрочивъ это дѣло, онъ намѣтилъ себѣ еще болѣе трудную задачу: распространить и укрѣпить въ русскомъ обществѣ

расположеніе къ историко-археологическимъ интересамъ: къ этой цѣли должны вести, независимо отъ съѣздовъ, ученыя археологическія поѣздки по разнымъ древнимъ городамъ Россіи и публичныя чтенія по разнымъ отдѣламъ археологіи. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ привести въ исполненіе эту задачу, онъ былъ призванъ Высочайшею волей къ новому и великому дѣлу, ко внутреннему устройству и созданію Императорскаго Русскаго Историческаго Музея.

Съ пыломъ юнаго сердца онъ принялся за эту новую работу и въ одинъ годъ сдѣлалъ все что только могли сдѣлать человѣческія силы въ крайней степени ихъ напряженія. Въ это дѣло положилъ онъ всю свою душу и принесъ въ жертву всѣ свои силы. Его задушевною мыслію было именно сдѣлать этотъ Музей не мѣстомъ только празднаго любопытства, но живымъ разсадникомъ серьезнаго историческаго знанія, Московскою Академіей Историко-Археологическихъ Наукъ. Мысль эта тѣмъ глубже лежала въ душѣ его и тѣмъ больше его вдохновляла, что онъ встрѣтилъ живое сочувствіе къ ней въ лицѣ самого Государя Императора, Августѣйшаго Покровителя русскихъ историческихъ знаній. Отсюда исходила вся его энергія, все напряженіе его силъ, принесенное имъ въ жертву Историческаго Музея. Но человѣческія нервы не могутъ выдерживать чрезмѣрнаго напряженія: духъ его упалъ, силы изнемогли и день его жизни сталъ быстро клониться къ вечеру.

Время его дѣятельности есть, говоримъ, цѣлая эпоха въ исторіи русской археологической науки, и во всемъ, что ею сдѣлано, свѣтится душа покойнаго графа. Едва ли поэтому мы можемъ лучше выразить наше нравственное угнетеніе, вызванное его смертію, какъ повторить слова древняго лѣтописца: «солнце наше зайде ны и во скорби вси остахомъ.»

Но есть еще одна черта въ образѣ почившаго графа, которой мы никогда не забудемъ и забыть не можемъ. Это его высоко-нравственное отношеніе къ своей ученой дружинѣ. Глубоко образованный, онъ зорко слѣдилъ за появленіемъ ученыхъ трудовъ и всегда утѣшался и радовался, когда они направлялись въ историко-археологическую сторону и обогащали собою русскую науку. Полный всегда высокаго благородства въ обращеніи со своими сподвижниками, онъ ни-

когда не давалъ замѣтить разности общественнаго положенія между собою и ими. Онъ высоко цѣнилъ всякую ученую силу, какъ дорогое сокровище, не только общественное, но и государственное, и признавалъ, что ученый трудъ прежде всего и болѣе всего имѣетъ право на поддержку и вознагражденіе. Въ виду именно поддержанія въ нашей пространной, но весьма пустынной учеными силами, равнинѣ развитія ученыхъ силъ и трудовъ, покойный графъ основалъ въ Императорской Академіи Наукъ, въ память своего отца, награды за ученые труды. Въ теченіе 26 лѣтъ со времени основанія этихъ наградъ, вотъ уже пожертвовано имъ 78 тысячъ, и едва ли не болѣе сотни ученыхъ, быть-можетъ, поддержаны этими наградами въ самыхъ насущныхъ и вопіющихъ потребностяхъ. Наконецъ, подобно государственному канцлеру Румянцову, онъ старался поддерживать своихъ сподвижниковъ на службѣ и оберегать ихъ отъ нападокъ и несправедливыхъ оскорбленій со стороны ихъ ближайшаго начальства и ходатайствовать за нихъ предъ высшими властями.

Понятно отсюда и то глубокое смущеніе, которое охватило его дружину съ вѣстію о неожиданной его кончинѣ. Одни тяжело вздыхаютъ, другіе горько плачутъ, у иныхъ же туга сердечная доходитъ до того, что они могутъ взывать съ древнимъ лѣтописцемъ: «како ли зѣницы со слезами не упали вкупѣ! Како ли не урвалося сердце отъ корени!»

Но утѣшимся мыслью объ общей судьбѣ человѣчества. Тотъ кто раскапывалъ могилы съ цѣлію по уцѣлѣвшимъ костямъ и вещамъ воскресить образъ и бытъ доисторическихъ людей, тотъ вѣрилъ и въ безсмертіе человѣческаго духа и, чрезъ Тайны церкви, умеръ въ общеніи со Христомъ.

Почившій о Христѣ незабвенный графъ! Блаженъ путь, въ онь же идеши, въ немъ еси себѣ уготовалъ мѣсто упокоенія!

Мы же, его дружина, преклонимся предъ его гробомъ и тѣмъ докажемъ въ послѣдній разъ предъ лицомъ его наше нравственное общеніе съ его духомъ и завѣтами его жизни.

(12)
TVK 3032/83

DK 38.7 .U92 N42 C.1
Nezabvennoi pamiati Grafa Alek
Stanford University Libraries
3 6105 040 149 176

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004